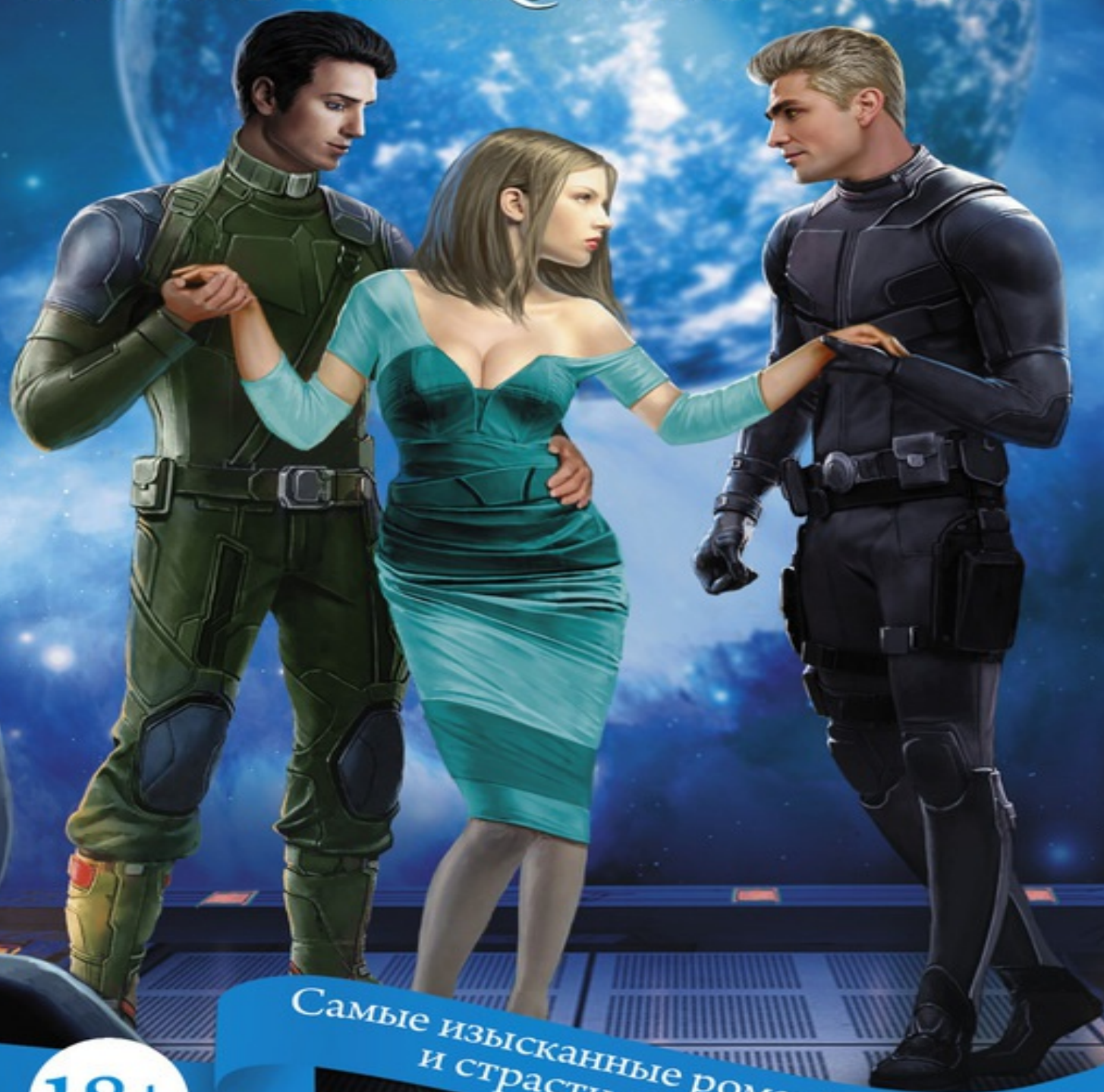

Юлия Цыпленкова

КОСМИЧЕСКАЯ
ОДИССЕЯ
ИНЕССЫ ЖУРАВЛЕВОЙ

18+

Самые изысканные романы о магии
и страсти от лучших авторов!

Annotation

Правду говорят: «Бойся своих желаний!» Хотела перемен? Не вопрос! Собралась съездить на отдых и развлечься? Проще простого! Всего-то и нужно: путевка на турбазу и гениальная мысль в комплекте. И отдыхаешь ты уже не среди родных елочек, а бороздишь далекий космос. Загрустила от одиночества? Мечтала о мачо в красных труселях? Да пожалуйста! Вот вам два, Инесса Николаевна, берите, пользуйтесь. Только как выбрать, когда от красы неземной глаза разбегаются. Душа широкая хочет сразу обоих, а приличия велят остановиться на одном. Еще и сами красавцы инопланетные терзаний добавляют, на части рвут, выбрать требуют. Но есть еще женщины в русских селеньях, и команду гуманоидов построим, и двух ревнивцев приструним. И деваться им некуда, потому что помогает тебе самая необычная саморазвивающаяся система жизнеобеспечения во всех галактиках — языкастая и изобретательная Сима.

Юлия Цыпленкова

Космическая Одиссея Инессы Журавлевой

Глава 1

Вечерний город опутывал паутиной огней, завлекал в сети сверкающих вывесок, дышал маревом прогретого за день асфальта, вгоняя в легкую депрессию и эмоциональную усталость. Машины продолжали ползти по улице густым потоком, время от времени разрывая смог гудками клаксонов.

— К черту, — прошептала я, отходя от окна. — Надоело все, хочу свалить отсюда.

Куда валить, я представляла слабо. Подумала о заграничном курорте, синем море, белом песке и загорелом мачо в красных труселях... Почему красных? Да хрен его знает, просто так. Но свалить из города очень хотелось. Прикинула в голове количество оставшихся финансов и пришла к выводу, что мачо будет тосковать без меня на белом песке.

— В деревню хочу, — решила я. — В обычную русскую деревню. Или на турбазу, все равно нет у меня бабушки с домиком в деревне.

Взяв планшет, я залезла на сайты турфирм. Ну вот, пожалуйста, можно сказать, в лесу, и денег не много. На недельку можно смотреться. Завтраки, обеды, ужины включены, а на бар мне хватит собственных денег. Бар обещали, как дискотеку и всякие там увеселительные программы. В общем, мне подходит. Оставив на утро поход в турфирму, я набрала ванну, зажгла свечу для духа романтизма, налила в бокал остатки вина и разместилась в пышной пене.

Дух романтизма вышел так себе. Вылебав вино, я затушила свечку и быстро закончила собственное омовение. После ванны сварила себе кофе и ушла в комнату к компьютеру. Вечер выдался скучный до невозможности. Все подруги, уже давно и глубоко замужние, сидели со своими семьями, последняя одинокая вышла замуж не далее чем три дня назад. Так и осталась я в одиночестве. Последние мои отношения закончились где-то месяц назад, плюс-минус неделя.

Мужчину хотелось, даже очень — и чтобы искры из глаз от страсти, и бабочки в животе от любви, и розовая вата в небе. Но пока подобного не предвиделось. Подруги, конечно, пытались время от времени знакомить меня с друзьями своих мужей, устраивали свидания и принимали самое активное участие в моей жизни. Идея «погулять на свадьбе Журавлевой» превратилась в навязчивую.

Я ходила на свидания, послушно знакомясь с кандидатами на роль будущего мужа, иногда даже увлекалась, но все заканчивалось как-то быстро и скучно. Подруги вздыхали, утешали, что «этот козел» меня не достоин, и арканили нового представителя рогатого стада. Под эти грустные мысли я провалилась в сон.

Следующий день ознаменовался покупкой вожаемой путевки, громкой руганью с хозяйкой салона, где я работала маникюршей, моим увольнением и непередаваемым удовольствием от моего торжествующего вопля:

— Стерва крашенная! — Давно хотела это сказать. — У тебя от жадности скоро силикон со всех щелей ползет. — За спиной хозяйки чуть не лишилась сознания от восторга парикмахерша Любка.

— Журавлева!

— Пошла ты, жаба! — патетично воскликнула я и гордо удалилась.

А и плевать, давно хотела попробовать работать только на себя. Сделаю рабочий уголок

дома, и всего делов. Вот такая воинственная, я добралась до дома, собрала вещи, сложив их в сумочку побольше. Напялила джинсы, кроссовки, футболку, натянула кепку и взглянула на себя в зеркало.

— Хороша, — решила я и отправилась отдыхать.

Правда, до отдыха было метро, электричка, рейсовый автобус, который сломался, не доезжая до турбазы.

— Далеко мне до места? — спросила я у женщины, сидевшей рядом.

— Часа пол пешочком, — ответил вместо нее пожилой мужчина. — Прямо по дороге надо идти, она к базе выведет. Вон там она, — он махнул рукой, указывая направление.

— Не буду я ждать, — решила я, глядя на водителя, спящего из салона к открытому капоту и обратно.

— Да он сделает, не в первый раз, — попыталась образумить меня женщина.

— Прогуляюсь, — легкомысленно отмахнулась я и выбралась на улицу.

Водитель покосился на меня из-под капота, я ему дружелюбно улыбнулась и, засунув в уши наушники и включив на телефоне музыку, бодрой походкой направилась к базе, где меня ждали родные сосенки и елочки, деревянный домик и даже живописный пруд, как было указано в рекламе турбазы.

— Жить хорошо, — решила я, втягивая носом чистый воздух.

Автомобильное движение здесь почти отсутствовало, потому что за время моего пути не попало ни одной машины. Автобус тоже не спешил догонять, и я, растянув рот в блаженной улыбке, продолжала вышагивать по обочине, чувствуя себя настоящим путешественником.

А потом случилась она — гениальная мысль. Зачем мне тащиться полчаса по дороге, когда можно срезать через лес? Направление знаю, ориентироваться на местности умею... кажется. Так почему бы не позволить себе маленькое приключение? Мысль оказалась не только гениальной, но и всепоглощающей, потому что сомнения ни на минуту не посетили мою опьяненную свободой голову.

Сказано — сделано. И вот я уже тащу свое брэнное тело с сумкой на плече через лес. Пытаюсь вычислить, где юг, где север, а где дорога. Через час гениальная мысль вдруг перестала быть таковой. Сумка оттянула плечо, комары нашли меня весьма аппетитной, ветками по физиономии я получила уже раза три. Еще через час я уже не хотела ни сосенок, ни елок, а очень тосковала по морю, белому песку и мачо в красных трусах. В другие трусы мачо упорно не желал переодеваться. И ведь были деньги на путевку!

— Чертов патриотизм, — проворчала я, присев на пенек. — Ну и что теперь делать?

Пенек молчал, молодая сосна тоже, гениальная мысль спряталась в глубины подсознания и не желала показывать даже носа. Повздыхав и пожалев себя, я решительно встала, закинула сумку на плечо и уныло побрела вперед. На юг и север я уже давно не рассчитывала, свою способность к ориентированию сочла годной только для торгового центра.

— Куда иду? — спросила я себя, потому что молчание начало пугать и отчаянно хотелось услышать живой голос.

— Нужно вернуться к дороге, — подала голос гениальная мысль.

— Молчи уже, — строго велела я, и она замолчала.

Но зерно упало и дало всходы. Идея была признана вполне логичной. К дороге так к дороге. Где юг, где север, где мой разум? Опять ничего не нашла и решила идти на память...

Смеркалось. Дороги не было. Юг и север дружно ржали над моим внутренним компасом. Сама я не ржала, я рыдала в голос и с надрывом орала:

— Ау-у! Люди-и-и!!!

Люди молчали. Лес издевательски скрипел деревьями, я рыдала, гениальная мысль прикинулась шлангом и не отсвечивала. С психом скинула сумку с плеча и пошла налегке. Через десять шагов опомнилась и вернулась за сумкой, заодно натянула джемпер.

— Ау!

А в ответ тишина.

— Мама! — взвизгнула я, пугаясь шороха сбоку.

Оступилась, споткнулась, матернулась, упала в какую-то яму, матернулась снова. И плевать на приличия, я тут одна. Совсем, то есть абсолютно, ни души вокруг.

— Вот черт!

Моя попытка выбраться из ямы закончилась всхлипом, порцией отборного мата и подвываниями. Болела нога, сильно болела. Решила ползти, но тут же поранила руку об осколок стекла и обиделась окончательно. Нет, ну нормально?! Людей нет, а свинство есть! Больше никуда не лезла. Вытянулась на дне ямы, посмотрела на верхушки сосенок и елей и решила умереть прямо здесь.

— Девушка, вам помочь?

— Нет, я сама умру, — проворчала я и подняла взгляд на край ямы.

Там стоял ОН. Красивы-ы-ый...

— Галлюцинация, — решила я и закрыла глаза.

Послышалось шуршание, и идеал... лег рядом. Он сложил руки на груди, повторяя мою позу, и посмотрел на верхушки сосенок и елей.

— Красиво, — сказал вторженец.

— Ага, — глубокомысленно согласилась я и предупредила на всякий случай: — Здесь одноместная яма.

— Отличная яма, — согласился незнакомец. — Так вам помочь?

— Полежать? — усмехнулась я.

— Ну, если вы не против, — мурлыкнул искуситель и повернулся на бок, подперев голову рукой.

— А вы на что намекаете? — поинтересовалась я, дуря от этого диалога.

— Полежать вместе, — подмигнул мужик.

— В яме? — поразила я.

— Если вам нравится в яме...

Я села и внимательно пригляделась к шутнику. Потом потрогала его пальцем — настоящий. Он тоже сел и потрогал меня пальцем. Издевается, что ли?! Ладно, я тоже могу, я вообще сейчас все могу.

— Значит, полежать? — Он кивнул, и я разозлилась. — В невесомости, млин, я с тобой полежу. Есть у тебя невесомость? Нет? Ну и иди отсюда, шутник. — Последнее слово процедила сквозь стиснутые зубы, вкладывая в него побольше презрения.

— Есть, — счастливо осклабился чудик.

— Что есть? — с подозрением спросила я.

— Невесомость, — невозмутимо ответил он и встал, подавая мне руку. — Идем.

— Куда? — окончательно опешила я.

— В невесомость, — рассмеялся этот чудила.

С минуту буравила его злым взглядом и неожиданно поняла, что веду себя как последняя не пойми кто. Человек помочь хочет, к людям выведет. Ну, странное у него чувство юмора, так и похуже бывает. Слышал, наверное, мои нецензурные крики, я же и ногу вывихнутую упоминала. Виновато улыбнувшись, я посмотрела на ногу.

— Мне не встать, наверное, вывих.

Он помог мне подняться, после осторожно взял на руки и понес наверх. Тут я заметила свою дорожную сумку, которая осталась стоять на земле.

— Сумочку, сумочку забыли, — запереживала я.

— Взяли, — успокоил меня чудила, поднимая мою сумку.

— Ой, как неудобно, — фальшиво застеснялась я, чувствуя себя более чем комфортно. — Я, еще и моя сумка. Тяжело?

— Нет, — ответил мой спаситель.

— Простите, а куда мы идем? — поинтересовалась я, начиная понимать, что меня несет на руках совершенно незнакомый человек. Может, он и красивый, но абсолютно чужой. Это ведь может быть маньяк! Уюта в мужских руках стало на порядок меньше. — Да, вы не представились.

Мой таинственный спаситель ослепил меня очередной улыбкой и поставил на землю. Будет насиловать, решила я. Но почему-то от этой мысли сладко заныл низ живота, ужаса и отвращения не появилось. Извращенно насиловать, напугала я себя. Истома никуда не делась, только взгляд заинтересованно остановился на мужском паху. А потом убьет. И на кусочки порежет. Или продаст арабскому шейху... Окинула себя скептическим взглядом, шейха отмела, идея о моем умерщвлении успокоила гормоны. И на том спасибо.

— Почему стоим? — поинтересовалась я. — Кого ждем?

— Луч ждем, — улыбнулся незнакомец. — Дождались.

Удивленно приподняла брови, открыла рот, и комар укусил меня в шею. Странный комар, неправильный... Чтоб его...

Пробуждение оказалось странным. Мне было тесно, светло и... весело. В теле чувствовалась странная легкость, но поднять голову оказалось невозможно. Перед глазами какое-то время плыло, но когда прояснилось, я неожиданно обнаружила, что потолок очень близко и в нем есть окошко. Но ведь это неправильно. Потолок не может лежать практически на мне. Нахмурившись, я попыталась собрать разбегающиеся мысли в кучку.

Неожиданно в окошке появилось лицо моего чудилы. Он широко улыбнулся и помахал рукой.

— Привет лунатикам, — весело ответила я и рассмеялась.

Незнакомец тоже рассмеялся.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он. Голос синеглазого спасителя прозвучал странно, словно переданный через какое-то устройство.

— Хорошо, — произнесла я и немного испугалась за собственные щеки, едва не трещащие по швам от распиравшей их улыбки.

Черт, что за дебильное состояние. Я сейчас взорвусь от радости и счастья.

— Это медицинский отсек, ты тут, пока лечат твою ногу, ну и карантин нужно пройти, — объяснял мне незнакомец.

— Отсек, — повторила я. — Отсек, отсёк, засёк, запас, пас, анфас, фас. — Выстроив цепочку, отдающую мощнейшей логикой, я пришла в неопикуемый восторг, заходясь в новом

приступе смеха.

Чудила снова рассмеялся вместе со мной.

— Ты забавная, — сказал он, склоняясь совсем близко к окошку.

Но сразу же отпрянул и взглянул куда-то в сторону. Через пару секунд в окошке появилось чужое мужское лицо. Не менее красивое, чем у чудилы, но хмурое до невозможности. Мужчина сердито осмотрел мою счастливую физиономию, после перевел взгляд на моего знакомого незнакомца и что-то резко ему сказал.

— Ути, какой бу-ука, — протянула я. — Ути, тугти-фругти. Бука, бука, бука.

От смеха уже болел живот. Мой чудила расхохотался, второй смерил меня презрительным взглядом.

— Фу-ты ну-ты, лапти гнуты, — изрекла я очередное высказывание. — Ишь, злока. Не пугай, пуганые мы, понял? — И сама себе ответила: — А ты меня «на понял» не бери, понял?

Дальше я задохнулась в приступе очередного ржача. Мой чудила проводил взглядом второго чудилу, хохотнул, и что-то зашипело. Потолок отъехал в сторону.

— Вот так и съезжает крыша, — объявила я и хрюкнула, смеяться сил уже не было.

— Вылезай. — Мой чудик подал руку. — Ты признана безопасной и здоровой. А это состояние скоро пройдет, — говорил он, вытаскивая меня из белой пластиковой штуки. — Вообще-то, обычно действие слора вызывает покой и умиротворение. Должно быть, сказалась разница в строении нервной системы землян и нашем.

В сотрясающем меня приступе смеха важная информация прошла как-то мимо сознания. На меня накинули длинный халат, подали тапки, и я начала озираться. В странном помещении находилось трое. Они были одеты в белые комбинезоны. Люди занимались своими делами, не обращая на меня внимания. Впрочем, я пока свое внимание вообще не могла собрать воедино. Но заметила, что чудила одет в комбинезон защитного цвета, по фасону напоминавший комбинезон летчиков.

— Врачи, — неожиданное просветление оказалось очень кстати.

Мой новый знакомый кивнул, взял за руку и повел к неприметной двери. Дверца мягко отошла в сторону, и мы шагнули в узкий коридор, освещенный неприятным белым свечением.

— А мы где? — спросила я.

— В невесомости, — осклабился чудила. — Как ты и хотела.

Тряхнув головой, я отказалась его понимать, решив, что это очередная дурацкая шутка. Он провел меня через сеть похожих коридоров, придержал на узкой металлической лестнице, которая на корабле могла бы с чистой совестью называться трапом, и подвел к очередной неприметной двери, которая с уже знакомым шипением отъехала в сторону.

Эйфория постепенно исчезала, уступая место депрессии. Голова напомнила, что она у меня есть, неприятной ломотой в затылке, все более переходившей в мигрень. Хмуро оглядевшись, я задалась единственным вопросом — где я?

— Где я? — озвучила я свой вопрос вслух.

— В моей каюте, — охотно ответил чудила.

— Это корабль? — Сказать, что я удивилась, ничего не сказать.

— Научно-исследовательское судно класса «Планетарный разведчик», — поразил меня очередной новостью мужчина. — Мое имя Ромалиан Грейн, и я являюсь первым помощником командира корабля. Его ты видела, который бука. — Он хмыкнул, а вот мне

смеяться не хотелось.

Психи захватили мир или только меня — это уже не суть важно. Главное, я не пойми где, на мне гостиничный халат и белые тапочки. И голова... без мозгов, раз я все еще сижу и пляшусь на красивую рожу с огромными синими глазами и думаю... Черт, а что я думаю?

— Чем ты меня накачал? — проворчала я. — Я думать не могу. Это бункер, что ли, какой-то?

— Космический корабль, какой еще бункер? — удивился этот Ромалин... Рома, короче.

— Рома, давай устроим антракт в твоём спектакле, — скривилась я. — Корабль в лесу — деталь нелепая, это раз. Космический корабль — это вообще фантастика почти, это два. Ну и три, самое насущное, — где я?

— Как ты меня интересно назвала, — улыбнулся он, приближаясь ко мне. — Рома. Мне нравится.

— Да хоть облезь от счастья, что это за хрень?! — Я отпрянула от протянутой к моему лицу руки и демонстративно огляделась по сторонам. — Это скрытая камера, что ли? Я тебя еще раз спрашиваю: где я?!

— Я тебе ответил, честно ответил, — недовольно произнес Рома. — Не веришь — идем.

— Куда? — напряглась я.

Он вздохнул, взял меня за руку и вытащил из каюты. Я упиралась, если честно, потому в коридор выехала на полусогнутых. Здесь обнаружили еще люди в таких же комбинезонах, как у Ромы, и один в ярко-оранжевом. Я выпрямилась, гордо тряхнула головой и сопротивляться перестала.

Роман привел меня в очередное помещение с шипящей дверью, которая пустила нас внутрь. Здесь находился тот самый Бука. Его комбинезон оказался черным, еще и с серебряной нашивкой на груди и рукаве. У Ромы тоже была похожая, но имелись различия в символах.

— Здравствуйте, — поздоровалась я.

Мрачный тип скользнул по мне отстраненным взглядом, отвернулся, но вдруг, словно только осознал, кого увидел, развернулся на каблуках и ткнул в меня пальцем.

— Зачем притащил примитивную на мостик? Убирай это отсюда.

Я оскорбилась.

— Простите, не имею чести знать вас, — надменно произнесла я. — Примитивны вы в своем хамстве и грубости. И если не желаете приносить даме извинения за нанесенное ей оскорбление, закройте рот и отвернитесь. В данном случае это будет лучшей политикой вашего поведения, господин Невежа.

О как завернула. Гордость за себя немного сгладила чувство обиды. Я посмотрела на Рому.

— И?

— Не впечатляет? — спросил он. — Теперь веришь?

— Хамство меня никогда не впечатляло, — ответила я.

— Да я не про Буку, — отмахнулся Роман. — Ты по сторонам смотри.

Я обвела помещение внимательным взглядом, отмечая незнакомую конструкцию, панорамное окно во всю стену, несколько людей, совершавших странные пассы руками, и стоявшего в центре всего Буку. После этого огляделась, пытаюсь найти камеры.

— Красиво, — согласилась я. — Дорого декорации обошлись?

Рома вздохнул с трогательной беспомощностью.

— Грейн, уведи это недоразумение в каюту, — произнес Бука, не оборачиваясь. — Скоро будет кордон ралианцев. Мало того, что они дотошные, так ты еще и с контрабандой.

— С контрабандой? — переспросила я.

— С тобой, землянка, — выплюнул в меня повернувшийся вполоборота командир корабля.

В этот момент над вогнутой панелью разлился мягкий голубоватый свет, и я успела увидеть, прежде чем Рома вытащил меня с капитанского мостика, как свет собрался в объемную фигуру большого моллюска. Он издал пищаще-щелкающий звук.

— Переводчик, — велел Бука.

Дальнейшего я уже не слышала, потому что чудила тащил меня обратно в каюту. Возвращение было стремительным.

— Я потеряла тапку, — хмуро сообщила я.

— Ерунда, — отмахнулся Рома. — Иди сюда.

Он поманил меня к себе, открыл... должно быть, шкаф, у этого шкафа отъехала задняя стенка.

— Извини, потом поговорим. — Рома виновато улыбнулся. — Ралианцы зануды, лучше тебе посидеть здесь. Контрабанду они обычно уничтожают на месте, а я не успел занести тебя в реестр перевозимых вещей.

— Что?! — вскинулась я, и меня опять укусил «комар»...

Пробуждение было обычным. Я потянулась, сладко зевнула и пробурчала:

— Опять на работу.

— Не надо, — ответил приятный мужской голос.

Я порывисто села и нахмурилась, пытаюсь вспомнить, кто этот синеглазый красавец мужчина, что сидит у меня в ногах. Огляделась, потерла лоб и вспомнила. Причем вспомнила конкретные слова: «Я не успел занести тебя в реестр перевозимых вещей». Тут же вернулся гнев.

— Что значит — реестр перевозимых вещей? — спросила я ледяных тоном.

— Те вещи, которые принадлежат мне, — ответил он с улыбкой и протянул длань к моей ноге. Ногу отодвинула подальше.

— То есть я — вещь? — поинтересовалась я.

Мужчина смутился, но все же кивнул, спеша уточнить:

— Видишь ли в чем дело. Гуманоиды с Земли причислены к примитивным расам, а примитивам запрещено самостоятельное передвижение по галактикам, входящим в Альянс Десяти. У вас нет прав развитых рас, потому что вы непредсказуемы. Если я не внесу тебя в реестр, то ты будешь считаться угрозой Альянсу... Извини. — Он заискивающе улыбнулся, и я швырнула в него подушкой.

Это же черт знает что! Примитивы... Стоп!

— То есть, — я отодвинулась еще дальше, благо величина ложа позволяла, — ты продолжаешь утверждать, что я нахожусь...

— На научно-исследовательском судне, входящем в Армаду Аттарийской империи, третьей в составе Альянса Десяти, — мягко ответил Рома.

— То есть я сейчас в космосе среди разумных гуманоидов-инопланетян?

— Ну, в общем-то, можно и так сказать, — усмехнулся мужчина.

Я криво ухмыльнулась и решительно мотнула головой.

— Бре-ед, — протянула я.

— Да почему ты не веришь очевидным вещам? — возмутился синеглазый.

— Во-первых, этого не может быть, — безапелляционно заявила я. — Во-вторых, это подстава, а в-третьих, вы говорите на русском?

— На аттарийском, — улыбнулся Рома. — А ты нас понимаешь благодаря чипу-переводчику, вживленному тебе в мозг. Он способен не только обрабатывать информацию, которую ты слышишь, переводя ее в самом приемлемом для тебя варианте, но и изменять твою речь. То есть ты автоматически говоришь на неизвестном тебе языке.

— Хрень, — не поверила я.

— Хорошо, сейчас я отключу чип, — сказал он, и в его руках появилась маленькая плоская пластина. В голове неприятно щелкнуло, от чего слегка замутило, но приступ тошноты быстро прошел, и я вновь посмотрела на Рому.

— Ну?

Он заговорил. Не поняла ни слова. Язык был грубоват, чем-то отдаленно напоминал немецкий, ну очень отдаленно. Помучив свой слух беглой речью своего собеседника, поискав хоть что-то похожее в языках, которые я слышала, вынуждена была признать — этот мне точно незнаком. Но с другой стороны, языков много.

— Моя твоя не понимает, — фыркнула я и отвернулась.

— Инесса, — позвал меня Рома.

— А мое имя ты откуда знаешь? — Я мгновенно вернула ему свое внимание. Он ответил, и я психанула. — Да не понимаю я тебя, нехристь!

— Я сказал, что видел твой паспорт, — произнес он, вновь сверкнув пластиной. — У нас у всех имеются подобные чипы. Это облегчает нашу работу. Правда, переводчик рассчитан только на гуманоидные расы. Ралианцы, например, не гуманоидная раса, их речевой аппарат имеет другое строение, звуки передаются иначе, потому в общении с ними используется универсальный переводчик. Но это сейчас лишняя информация. Я все тебе расскажу, но постепенно, у нас будет много времени. — Синеглазая харя расплылась в радостном оскале, но быстро помрачнела. — Не веришь? — Я помотала головой. — Да я не знаю уже, чем тебе доказать. Мы сейчас пролетаем астероидное поле, — задумчиво произнес мужчина, и стена словно истаяла, открывая черный провал.

Я поднялась с ложа и подошла к открывшемуся окну или иллюминатору, это уже утверждать не берусь, и положила руки на невидимую твердую поверхность. Ощущение, что я парю над пропастью, было невероятным. Зажмурившись, я попробовала справиться с неожиданной дрожью, когда мне на плечи легли теплые широкие ладони. Руки Ромы скользнули вниз по моим рукам, и мужские пальцы сплелись с моими пальцами. Тепло его тела стало чем-то вроде опоры, и я открыла глаза, не спеша отпрянуть. Теперь я вновь смотрела в черноту.

Мимо пролетел большой камень с неровной поверхностью. Я проследила за ним взглядом и дернулась, когда вслед за ним проплыл настоящий гигант. Ощущение, что он сейчас врежется в нас, было почти осязаемым, но гигант проплыл мимо.

— Защитное поле, — пояснил за моей спиной Рома. — Оно не позволяет астероидам задеть нас.

— Как вы это сделали? — с восхищением спросила я. — Классные компьютерные эффекты.

За моей спиной взвыли, я почувствовала себя виноватой. Ну, не верю я в космическую одиссею Инессы Журавлевой. Как вообще в это можно поверить? Вот вы бы поверили? Я так нет.

— Вот, смотри! — Рома рывком развернул меня лицом к себе. — Это наше оружие. Многофункциональное. Я ставлю на режим парализатора, видишь? — Я кивнула на всякий случай. — Слабый заряд, Инесса, минимальный, не бойся.

— Чего не бояться? — с подозрением спросила я, отступая назад.

— Ничего не бойся, — бесшабашно осклабился мужчина, поднял свою штуковину, и штуковина издала едва уловимый «пф».

— Ма... — успела я взвизгнуть, почувствовав что-то наподобие слабого электрического разряда.

Тело застыло, словно скованное льдом. Подвижными остались только глаза. Роман подошел ко мне, убирая свою пфыкалку, положил руки на плечи и склонился, приближая свое лицо к моему.

— Это скоро пройдет, — пообещал синеглазый гад, и его губы скользнули по моему виску, по щеке, остановились на губах. Поцелуй был осторожным, словно меня пробовали на вкус, знакомились, не проявляя ни настойчивости, ни наглости. А я не почувствовала ничего. Удобная штука на приеме у стоматолога...

Дверь отъехала в сторону, и в каюту вошел Бука. Он скрестил руки на груди, с интересом наблюдая за происходящим. Это я разглядела, скосив глаза. То, что синеглазый уже заработал свою отдачу, которая замучает его, как только я перестану изображать памятник, это неоспоримый факт. А вот что заработает Бука, оставалось пока гадать.

— Грейн, тебе нужно ее положить, — совершенно серьезно произнес командир корабля.

— Зачем? — поинтересовался Рома, неожиданно прикрыв меня собой.

— В некрофила играть будет интересней. Стоячий труп — это уже полное извращение, — все так же серьезно ответил Бука.

Моего чудилу это высказывание не смутило, а я подумала, что Хмурая Морда прав, но это не отменяет того, что он опять нахамил, а значит, навлек на себя праведное возмездие.

— Какого лысого баргана ты приперся? — зеркально повторил позу командира его помощник, скрестив руки на груди. — У меня свободное время, а ты никогда не был любителем праздного шатания по кораблю.

— Тревожился, — усмехнулся Бука. — И вижу — не зря. Примитив заразен? Что у тебя здесь вообще происходит?

— Доказываю, что мы не кино тут снимаем, — хохотнул синеглазый, но тут же снова стал серьезным.

— Приводи ее в чувство, скоро подлетаем к Свене, можешь выгулять там свою подопечную, планета еще более примитивна, чем Земля. — Я постаралась выразить взглядом все, что думаю о Хмурой Морде.

— Ты невероятно добр! — патетично воскликнул Рома.

Бука удалился, гордо неся свою хамскую голову, а я вопросительно посмотрела на синеглазого. Тот невозмутимо прошествовал к подобию тумбочки, достал маленькую коробку и вынул оттуда самый обычный шприц. Я немного заволновалась.

— Сейчас пойдем гулять, — сообщил Роман с довольной улыбкой.

Укол я не почувствовала, зато почувствовала, как возвращается в мое тело жизнь. Сначала стало жарко, даже бросило в пот, после закололо в кончиках пальцев, неприятные колючки пробежались по ладоням и стопам, рванули вверх, и вскоре я смогла открыть рот, чтобы вдохнуть побольше воздуха, потому что:

— Озверел, придурок?! — заорала я, отвешивая вытягивающейся физиономии одну пощечину, следом вторую, пока не очухался, ногой по голени, в пах и теперь отскочить, пока отдача не замучила.

— Инесса, ты чего? — сипло спросил Роман, падая на колени. Похоже, от удивления он даже не разозлился.

— Не смей в меня стрелять! — выкрикнула я, обходя его по кругу. — И лапать! И я устала уже от вашего непроходимого хамства. Что значит — выгулять?! Я что, собака? То вещь, то труп, то животное. Бесите! — рявкнула я напоследок и спряталась с другой стороны кровати.

Синеглазый некоторое время глубоко дышал, прикрыв глаза, затем повернул в мою сторону голову и ослабил:

— Вот поэтому вас и опасаются. Совершенно непредсказуемая реакция. Оказалась на космическом корабле — упорно не верит очевидному. О ней заботятся — она психует. Дают понять, что нравится, — дерется. Зато как интересно, — Рома поднялся с пола и с широкой улыбкой посмотрел на меня. — Необычно так.

— Странная забота, — отозвалась я, настороженно наблюдая за ним. — Симпатия

сомнительная, а космический корабль ваш — полное фуфло. Где мои вещи? Надоела эта порнография. — Я потрясла полами халата и осеклась. — Кстати! На каком основании я была раздета?!

— Так регенератор...

— Чего? — не поняла я.

Роман опять вздохнул и закатил глаза, что-то пробурчав себе под нос.

— Назовем его восстанавливающей капсулой, — терпеливо пояснил он. — В регенераторе ты прошла полное восстановление всех тканей, омоложение, между прочим...

— В двадцать пять лет требуется омоложение? — возмутилась я. — Ну, знаете! Это уже ни в какие ворота! Немедленно верни меня назад!

Рома смущенно потупился, ковырнул носком высокого ботинка пол и снова посмотрел на меня.

— Невозможно, — наконец отозвался чудила. — К Земле мы пока не планируем возвращаться, и сейчас «Гордость Аттарии» находится слишком далеко... Мы уже прошли две галактики, так что... — Он развел руками, но сразу же добавил: — Переживать смысла нет. И потом, — мужчина направился ко мне, но остановился, глядя на выставленную ему навстречу ладонь и мое решительное мотание головой, — ты сама дала согласие на путешествие в моей компании.

Дальнейший разговор был прерван прозвучавшим из ниоткуда голосом Буки:

— Экипажу «Гордости Аттарии» занять свои места, мы приближаемся к орбите Свены. — После перед нами с Ромой появился сам господин Мрачная Морда. — Грейн, если ты уже наигрался... Немедленно на мостик! — рывкнул последнюю фразу командир корабля и исчез.

Рома тут же развернулся на каблуках и направился к двери.

— Мои вещи! — выкрикнула я вслед.

Справа от меня открылся отсек с одеждой, и я увидела собственную одежду.

— На какой-нибудь из планет сменим тебе гардероб, — «порадовал» меня чудила и ушел, оставив наедине с самой собой.

Первым делом оделась, оставив все мысли на потом. Застегнув молнию на джинсах, почувствовала себя гораздо увереннее. И только показалось, что жизнь налаживается, как поняла, что моей обуви нет. Те кроссовки, в которых я отправилась на турбазу, исчезли. Не было и взятых с собой босоножек, как и не нашлись любимые шлепки на каблукке. Всунув ноги в белые тапочки, я потопала от злости ногами, погрозила судом, вдруг они подслушивают, и, не забыв прихватить щетку для волос, протопала к огромному панорамному окну-иллюминатору, которое так и осталось открытым.

Вид за ним постепенно менялся. Это было потрясающее зрелище! Сначала я увидела стремительно приближающуюся планету, зажмурилась, и корабль мягко дернулся, зависая на размытой грани черноты и легкого свечения. Движение вновь возобновилось. Сумрак переходил в розоватый закат... рассвет, да все равно, у меня ни внутреннего компаса, ни умения определять время. В общем, это было красиво, и ладно. Вскоре «Гордость Аттарии» снова зависла и уже никуда не двигалась. Я вдумчиво причесывалась, разглядывая два спутника на небосводе. Классно, конечно, это все сделали, очень реалистично. Осталось выяснить, зачем я здесь. Может, реалити-шоу какое? Набрали случайных участников и будут морочить головы. А потом продюсеры бабки лопатами грести начнут. Хотя есть и положительный момент — участникам тоже хорошо платят. Реклама там всякая... Если мои

догадки верны, то вскоре я увижу других жертв этого шоу.

За спиной зашипело, и объявился Рома. Я обернулась и встретилась с его оценивающим взглядом. Тут же сердито фыркнула и отвернулась, продолжая свое занимательное занятие. Он остановился в двух шагах от меня.

— Где моя обувь? — мрачно спросила я.

— Утилизирована как приносящая вред твоему хрупкому здоровью, — «порадовал» очередной новостью синеглазый. Я резко обернулась и окинула его уничтожающим взглядом. — Анализатор провел полное исследование, выбрал то, что безопасно для здоровья, остальное я уничтожил.

— Что — остальное? — выдохнула я и бросилась к своей сумке.

Стринги! Их не было, совсем, абсолютно, окончательно и бесповоротно не было! Исчез сарафанчик, пусть и синтетика, но я его любила! Как любила крем для лица одной известной фирмы... Косметика, вся-а-а-а, у-у-у-у... И мой маникюрный набор вместе с лаками и средствами по уходу за ногтями. Только одинокая картонная пилочка лежала в несессере. Дорогущие маникюрные ножницы, щипчики, пушер — все, что было металлического, исчезло.

— Инесса, ты чего? — Рома неуверенно улыбнулся и попятился, прикрывая сокровенное ладонью.

— Убью, — глухо произнесла я, удобней перехватывая щетку. — Трусы отдай, сволочь!

— Какие... Ай!

Давать пояснения о собственном нижнем белье я посчитала ниже собственного достоинства, в конце концов, я девушка приличная, зато опять врезала по голени, пока он следил взглядом за щеткой. А потом и щеткой, по башке, по башке, по...

— Ай! — это уже я, потому что Рома в этот раз быстро сориентировался, сделал подсечку и навалился сверху, как только я завалилась на пол. — Козе...

Закончить не успела, потому что рот оказался заткнут единственным, что сейчас оставалось свободным у синеглазого, — его собственным ртом. Некоторое время мычала в попытках освободиться, после вспомнила народную мудрость «расслабиться и получить удовольствие», решила попробовать. В общем-то, это ожила гениальная мысль, подсказав решение проблемы. Я перестала вырываться, ответила на поцелуй, и вскоре мои руки обрели свободу. Рома потерял бдительность и поплатился за это, мои зубы сомкнулись на его языке. Не сильно, но он почувствовал. Чудила взвыл и дернулся в сторону, я отпустила и зарядила щеткой, которую все еще сжимала в руке, по башке, по плечу, по наглой синеглазой морде, по... Да что ж такое!

Задрала голову и с возмущением посмотрела на Буку, перехватившего мои руки. Теперь выходила и вовсе непотребщина. Я лежу, хрупкая и беззащитная, меня оседлал офигевший Рома, командир удерживает за руки, в глазах ни грамма сочувствия. Стрингов нет, сарафана нет, любимых шлепок нет, косметики вообще нет, а я лежу и думаю, что будет дальше.

— Сходи к медикам, пусть тебя осмотрят, мало ли что подхватил от нее, — дал указания гадский папа, то есть Бука.

— Убью, — пообещала я, глядя на него преданными глазами.

— Парализатор, — со значением ответил Бука.

— Не надо. — Я заискивающе улыбнулась.

— Обучается быстро, — усмехнулся Хмурая Морда.

«Убью, — решила я про себя, вслух только засопела. Затем меня отпустили с такими

лицами, словно саперы были не уверены, тот ли провод перерезали. — Убью обоих, — мрачно подумала я, вставая с пола. Посмотрела на свою щетку и вздохнула — но потом».

— Я в норме, — ответил Роман, собрав глаза в кучку и посмотрев на кончик высунутого языка. — А ты чего опять пришел? У меня все под контролем, — тут же поинтересовался первый помощник у командира.

— Я видел, она тебя чуть живьем не сожрала, — отчеканил Бука, на полном серьезе, между прочим. — Ты проверил ее на психологическую устойчивость, на генную мутацию? Нет? Я так и думал.

— Сам ты псих ненормальный, — подала я голос от своей сумки, откуда извлекла запасную резинку для волос, ее чудом признали не вредной. — Меня бесит ваше шоу, почему меня все время оскорбляют? Я на вас в суд подам, вы мне еще отбашляете за моральный ущерб столько, сколько все это не стоит, — я кивнула на декорации.

— Шоу? — переспросил Бука.

— Отбашляете? — поинтересовался Рома. — Инесса, переводчик иногда не справляется с твоим лексиконом.

— Пошел ты, бабуин синеглазый, — проворчала я. — Хочу на воздух.

Мужчины переглянулись. Бука вздохнул со страдальческим видом и вышел, Рома тоже вздохнул, но остался. Он осторожно приблизился ко мне, в глазах отражалась усиленная работа мысли.

— Инесса...

— Николаевна, — не без гонора произнесла я.

— Николаевна...

— Инесса! — Я возмущенно поджала губы.

— Ты сама не знаешь, чего хочешь, — оскорбился Роман.

— Инесса Николаевна, что тут непонятного? Не русский, что ли? — Я прошлепала к двери. — Открывай давай, начальник, на волю веди.

— Да, не русский я! — взорвался чудила. — Не русский! Аттариец, аттариец!!! У нас единая нация, единый язык, расовые различия остались в далеком прошлом, целых десять тысяч земных лет назад. Это у вас отсталая планетка, которой до цивилизованных галактик, как... как...

— До Китая, — услужливо подсказала я.

— Да! — воскликнул Рома и осекся. — Почему до Китая?

Я закатила глаза и слегка стукнулась головой об стену. Синеглазый опять задумался.

— Хорошо, сейчас спустимся на Свену. Если уж и это тебя не убедит, я признаю поражение, думай что хочешь, — покладисто заявил он, я согласилась.

Ну, хоть увижу собратьев по несчастью. Может, они больше знают, познакомлюсь, сблизусь с кем-нибудь. Может, и отношения... Покосилась на Рому, который вел меня по коридорам. Хорош, сволочь, но дискредитировал себя. Хотя... Нет, ищем мужика попроще. Реалити-шоу смотрели, как вести себя — знаем. С этими мыслями я и вошла в пустой отсек с круглой площадкой по центру. Рома уверенно подвел меня к площадке, взял за руку и втянул на возвышение.

— Чего это? — полюбопытствовала я.

— Сейчас немного будет мутить с непривычки, — предупредил Роман.

— Ась?..

Нас окутало мягкое свечение...

— Бе-е-е, — меня выворачивало среди неизвестной флоры, немного напоминавшей джунгли. — Уроды-ы-ы. Что это за хрень?! Бе-е-е...

— Н-да, перегрузка вышла сильнее, чем я думал, — задумчиво констатировал синеглазый.

Недалеко обнаружился Бука с брезгливой гримасой на физиономии. Еще немного посмотрев на мои страдания, он сплюнул, развернулся и исчез за деревьями, оставив меня на попечение Ромы. Тот терпеливо ждал.

— Что это было? — спросила я, вытирая рот тыльной стороной ладони.

— Телепортер, — пояснил чудила. — Телепортирующий луч. Переноска, если проще.

— Круто, конечно, — отозвалась я. — Но бред.

На меня махнули рукой, взяли за руку, которую я независимо выдернула, и просто пошла рядом, пытаюсь заметить съемочную бригаду. Не нашла. Нашла странное существо за деревом, которое с интересом разглядывало нас. Я его определила как Чубакку из «Звездных войн». Похож мало, но здоровенный и лохматый. Не глядя на Рому, я резко развернулась и направилась к этому «вуки».

— Инесса Николаевна, стой! — окликнул меня синеглазый.

— Отвали, чудила, — отмахнулась я и приблизилась к офигевшему от такой наглости мужику в костюме. — Здорово, — важно кивнула я. — Сколько тебе тут платят?

— Ых? — удивился Чубакка.

— Что — ых? Сколько башляют, спрашиваю? — раздраженно спросила я.

— Гроо, — протянул лохматое чучело.

— Инесса Николаевна, это агрессивный...

— Как же вы мне надоели! — воскликнула я и вцепилась в шерсть на голове вуки, пытаюсь стянуть маску.

Секунду царила мертвая тишина, пока я со всей дури тянула ряженого за шерсть на огромной башке. После раздался жуткий рев, из разверстой vareжки чудища меня обдало дыханием, далеким от свежего, мелькнула вспышка, и Чубакка повалился на землю.

— Настоящий, — потрясенно пробормотала я и благополучно лишилась сознания.

— Инесса Николаевна... — Встревоженные синие глаза неотрывно смотрели на меня.

Над головой все так же розовело чужое небо, радуя глаз двумя спутниками, шуршали джунгли, а где-то рядом скрипел Чубакка. Я порывисто села, вырываясь из рук своего похитителя, и посмотрела на лохматого.

— Я парализовал его, — произнес Рома, вновь пододвигаясь ближе. — Канглоры агрессивные, с ними нельзя так себя вести, это неразумно.

— Канглоры, — я повторила это слово, снова посмотрела на небо и обернулась к Роме. — Я действительно не на Земле?

— Нет. — Он улыбнулся. — Я же тебе сказал.

— Офигеть, — потрясенно прошептала я. — А как же... — Осознание накатывало стремительней цунами. — Меня похитили, — нервно хмыкнула и потерла лоб. — Так это я... Ой, мли-и-ин...

— Рад, что ты все осознала. Я уже не знал, как тебе это объяснить... А ты почему на меня так смотришь? — Рома отполз подальше, глядя, как у меня сужаются глаза.

Я нацелила на него палец и прошипела ядовитой гадюкой:

— Ты-ы-ы-ы.

— Что я? — Рома отполз на четвереньках еще немного.

Я тут же приняла коленно-локтевую и поползла в его сторону.

— Это ты украл меня, это все ты, гадина такая. — Рома продолжал стратегическое отползание. — Примитивная, значит, да? Вещь? На выгул? Я ж тебе глазюки твои синюшные выцарапаю. Я же тебе морду твою наглуую разобью. Да ты у меня месяц из регенератора не вылезешь, гуманоид недобитый!

И с этими словами бросилась на опешившую сволочь. Но в этот раз Рома был настороже, уже зная, что размениваться на пустые угрозы я не буду. Он вскочил на ноги, и я пролетела мимо него, встретившись лбом с деревом. Это был нокаут, полный и бесповоротный. Упав на попу, я изумленно посмотрела на раздвоившееся дерево, потрогала лоб, на котором росла шикарная шишка и, издав изумленное: «О-о-о», — отключилась.

— Инесса Николаевна...

— Ты ее сломал.

— Вали к горбаху, Ардэн, — зло ответил знакомый голос.

— Не рычи, — сказал некий Ардэн. — Зачем тебе вообще понадобилась эта примитивная?

— Понравилась, — с вызовом произнес Рома, я его все-таки узнала. — А ты-то что все круги наворачиваешь? Дел нет?

— За тебя волнуюсь, мой мальчик, — насмешливо ответил... Бука. Так вот ты какой, Хмурая Морда — Ардэн...

— Даже не думай, — не без угрозы произнес Рома.

— Обалдел? Зачем мне-то? — В голосе Ардэна послышалось возмущение.

— Вот и я думаю, — проворчал Рома.

Я открыла глаза и посмотрела на синеглазого. Голова болела зверски, но я все же поняла, что мы все еще на Свене и моя голова лежит на коленях недобитого гуманоида, сам

же он прижимает к моему лбу что-то прохладное. О чем они говорили, я даже понимать не собиралась, потому единственное, что я сказала, было:

— Ну вы и уроды.

— О, заработала, — усмехнулся Бука-Ардэн.

— Ром, убери этого хама, или я за себя не отвечаю, — воззвала я к единственному существу, с которым у меня был налажен хоть и фиговенький, но контакт. Рома открыл было рот, но я добавила: — А потом я тебя, сволочь инопланетная, все-таки убью. — Рома тут же варезку захлопнул.

— Инесса Николаевна, — начал он, но я махнула рукой:

— Иди ты к черту, гуманоид. Зови меня Инной, это сокращенная форма имени Инесса.

— У тебя столько имен, — проворчал Рома.

Объяснять, что такое наше великое земное «ФИО», не хотелось. Голова по-прежнему болела, потому крах собственной жизни я пока воспринимала спокойно. Капитан с интересом рассматривал меня, затем перевел взгляд на моего гуманоида.

— Отвел бы ты ее к медикам, что ли, на этот рог без слез смотреть невозможно. Жуть такая.

— Сам ты страшный, — оскорбилась я и села, опираясь спиной на Романа. — Если ты взял на себя ответственность за меня, будь добр оградить от хамства и оскорблений. На будущее я требую убрать из лексикона, касающегося меня, слова: примитивная, вещь, животное, багаж и контрабанда. Я не просила меня похищать — это раз. И мотаться по Вселенной никогда не было пределом моих мечтаний — это два. А вообще, ты, Рома, козел и придурок. Я все сказала.

Эти, как их, аттарийцы промолчали. Ардэн не спешил уходить, Рома, похоже, просто не знал, чего от меня ожидать, потому благополучно молчал. Я вывернула голову, глядя на синеглазого, и вздохнула:

— Дай таблетку, что ли, башка трещит — пипец.

— Пипец — это что? — поинтересовался Рома.

— Ох, чудовище ты инопланетное. — Я снова вздохнула. — Голова болит просто ужас как, то есть сильно. То есть я сейчас умру и буду являться тебе в кошмарных снах, — расшифровала я.

— А-а-а, понял, — просиял инопланетянин.

Он достал из нагрудного кармана очередную пластину.

— Это что? — с подозрением спросила я.

— Миниатюрный регенератор, входит в стандартный набор военного, — пояснил Рома.

— А ты военный? Корабль научно-исследовательский, ты сам говорил, — козырнула я отличной памятью.

— Полувоенный, — встрял Ардэн, и мы с синеглазым одинаково недовольно на него посмотрели. — Да идите вы, — фыркнул на нас командир и скрылся в зарослях какой-то развесистой фигни с маленькими розовыми цветочками.

Тем временем головная боль отступала. Я покосилась на Рому, пытаюсь понять, как его регенератор работает, не поняла и плюнула на это дело. Выдохнув с облегчением, как только вновь почувствовала себя человеком, я потрогала лоб, не обнаружила шишки и одобрительно хмыкнула, ставя своему чудиле зачет. Недалеко от нас заворочался Чубакка. Я с опаской покосилась на него.

— Не тронет, — сказал Рома, поняв мои опасения. — Очухается и уйдет. Если канглов

не трогать, они первые не нападают, только если подозревают угрозу.

Лохматый заскрипел и встал на четвереньки. Он обвел окрестности взглядом мутных красноватых глаз, остановился на нас с Ромой.

— Агаарах грохэм, — изрек «Чуи» и потрогал свою голову.

— Инна, ты бегаешь быстро? — с радужной улыбкой спросил мой гуманоид.

— Смотря зачем. Если на распродажу, то очень быстро, — подумав, ответила я.

— Тогда представь, что распродажа уже началась, — не переставая лыбиться, сказал синеглазый, рывком поднимаясь с земли и поднимая меня следом.

Кроме гениальной мысли у меня еще в наличии была интуиция, так вот именно она сообщила, что верить улыбке гуманоида не стоит, потому что...

— Ар-р, — зарычал канглор и бросился на нас.

— Отвали, Чубакка! — завизжала я, припуская следом за Ромой и спрашивая на ходу: — Почему мы бежим?

— Тебя спасаем, — пояснил он, пропуская меня вперед.

— Парализуй его снова, и уйдем, — потребовала я.

— Не могу. Инструкция запрещает стрелять в примитивов больше одного раза. Можно повредить нервную систему, вы же хрупкие, прости, они, — исправился Рома, заметив мой тяжелый взгляд.

— И долго бежать? — поинтересовалась я.

— Уже прибежали. — Мой гуманоид обхватил меня поперек живота и крикнул в браслет на руке, похожий на наручные часы: — Забирай!

Народ замер, слушая мои судорожные спазмы. Рядом замер робот-уборщик, похожий на таблетку со щетками. Рома вежливо отводил глаза, пока я загаживала зал перемещений, как назвал его синеглазый между моими спазмами.

— Я тебя ненавижу, — сообщила я, вытирая слезы.

— Просто ты меня совсем не знаешь, — успокоил меня инопланетный чудила. — Вот узнаешь поближе...

— Бе-е-е, — высказала я все, что думаю по этому поводу.

— Это ты пока так говоришь.

— Бе-е-е...

— Совсем плохо? — участливо спросил Рома.

— Убью, — в который раз пообещала я. — Все, кажется, — всхлипнула я.

Робот деловито взялся за работу, аттариец приобнял меня за плечи и повел в нашу с ним каюту. Вот радости-то! Мужик шикарный, спору нет, вроде как симпатизирует мне и, если уж положить руку на сердце, даже нравится, но... Но это чудовище гуманоидное украл меня с родной планеты, собирался внести в реестр перевозимых вещей — вещей! Назвал контрабандой, стрелял в меня, целовал без спроса, и это учитывая, что я вообще ничего не почувствовала. Да к чертям поцелуй — он меня украл!

— Мне обязательно жить с тобой? — спросила я, входя в каюту синеглазого.

— А больше негде, — быстро ответил он, и я заподозрила, что мне нагло врут.

Я прошла к широкой кровати и бухнулась на нее, предупреждающе вытянув руку:

— Не вздумай ложиться рядом.

— Да пожалуйста, — отозвался Роман, обиженно засопев.

Я села и проследила за своим гуманоидом. Хорош, сволочь. Наверняка под комбезом

кубики завалились, бицепсы там, трицепсы всякие... «Отставить пускать слюни на инопланетных инкокрадов! — велела я себе. — Начинаем мыслить здраво».

— Рассказывай, — велела я.

— Что рассказывать? — Синеглазое чудо уселся напротив.

— Про все. Начнем с корабля. Что он из себя представляет, что исследуете. Информацию давай. И еще — пить хочется.

Рома отошел к панели, ранее мной не замеченной.

— Система, внимание, — произнес он. — Тонизирующий напиток.

— Тонизирующий напиток, тайлар Грейн, — ответил приятный женский голос.

— Активация голосовой командой? — заинтересовалась я. Рома кивнул, поднося мне высокий стакан с розовой жидкостью. — О'кей, Гугл, — хмыкнула я и с подозрением принялась к напитку.

— Что? — не понял аттариец.

— Хорошая погода, говорю, — отмахнулась я и рискнула попробовать неизвестное пойло.

По вкусу напоминало клюквенный морс, отдаленно, но все же. Одобрительно кивнув сама себе, я залпом осушила стакан и вручила Роме.

— Спасибо. Ну, рассказывай. — Я скинула тапочки, которые умудрилась не потерять во время бега, и уселась по-турецки.

Роман вернулся на свое место, посмотрел на меня взглядом, в котором все еще сквозила обида, я ей не вняла. Сначала нужно узнать, как жить дальше, потом начнем вникать в обиды бессовестных похитителей. Роман еще немного подавил на мое сочувствие парой вздохов и взглядом оскорбленной невинности, сочувствие осталось до безобразия глухим, немым и бессердечным. Гуманоид сдался и перешел к рассказу.

Из слов Ромы я поняла, что «Гордость Аттарии» является полувоенным космическим судном, как и говорил Ардэн. Военные пилотировали корабль, охраняли гражданский персонал и вели все переговоры с представителями галактик и планет, мимо которых проходила «Гордость». Военных можно было определить по цветам комбинезонов. Черный — командир, и так сказать, цвет хаки — все остальные. Разница в чинах определялась нашивками. Рома обещал показать и подробно все объяснить. Оранжевые комбинезоны — техники, белые — медики, зеленые — ученые. Обслуживающий персонал — голубые. Пассажиров, кроме меня, на корабле не имелось.

Занимался экипаж «Гордости» исследованием различных планет, чаще всего примитивных. Брели пробы грунта, воды, микроорганизмов. Опыты, как уверил Рома, на обитателях планет не ставили... Ему же будет проще жить, если это так. Я читала про похищения землян. И про убиенных коров тоже, так что мне было что припомнить в случае военных действий.

Сейчас «Гордость Аттарии» заканчивала свой рейд. У меня радость Ромы, когда он говорил об этом, энтузиазма не вызвала, к Земле они лететь не собирались. Поэтому вставал вопрос: что ждет меня? Это я и спросила у инопланетного соловья, который как раз начал расписывать мне прелести своей родной планеты.

— Как что? Ты останешься со мной, — немного удивленно ответил Роман, словно это был вопрос решенный.

— Стопэ, Зорька, — велела я, синеглазый завис, осмысливая очередной перл. — Начнем сначала. Зачем ты меня скоммуниздил? А, черт, украл зачем?

— Почему украл? — оскорбился аттариец. — Я спросил, ты согласилась.

Теперь зависла я. Почесала «репу», воспроизводя в голове тот бредовый диалог в яме, еще раз почесала и была вынуждена развести руками. Смысловой нагрузки, тем более предложения и согласия не уловила.

— Неужели ты думаешь, я просто так предлагаю жить вместе со мной? — возмутился Роман.

— Э-э-э-э, — глубокомысленно протянула я. И многозначительно добавила: — Ну-у-у...

— Нет, я согласен, мне неизвестно, как прим... земляне говорят об этом, поэтому решил прислушаться к тебе. Ты предложила полежать с тобой, я воспринял это как намек на активные действия с моей стороны. А твое единственное условие — невесомость — я вполне мог выполнить. И выполнил. — Меня ослепил акулий оскал довольного собой гуманоида.

— Я выгоняла тебя из ямы, — потрясенно произнесла я. — Да я же... А ты... Ой, мли-и-ин, — протянула я, хватаясь за голову. — Говорила мне мама — не разговаривать с незнакомцами. Поговорила, — я горько всхлипнула и тут же подобрала соплю. — Зачем я тебе понадобилась?

— Понравилась, — смущенно ответил Рома и мило порозовел щеками. — Ты брела по лесу такая беззащитная, такая потерянная, так забавно ругалась...

— Э-э-э...

— Ну и вообще, — он ухмыльнулся, — понравилась, в общем.

— Типа, вся такая красивая? — уточнила я, пока меня не сломил комплекс неполноценности от предыдущих «комплиментов».

— Ага, — радостно кивнул Рома.

— Сексуальная, — снова подсказала я.

— Да-а, — протянул аттариец и сверкнул похотливым взглядом, ну, мне так просто приятно думать, но глазами сверкнул.

— Давно женщины не было? — подмигнула я.

— Почему? — удивился гуманоид.

Я махнула рукой и задумалась.

— Ну, ладно, допустим, я тебе так понравилась, что ты меня решил умыкнуть, несмотря на то, что контрабанда и реестр незаполненный. Сперматококцидоз у тебя не имеется, хотя бы это обнадеживает. Но по отношению ко мне, которое я пока наблюдала, в качестве кого я тебе понадобилась? Постельная игрушка? А потом что? На Аттарии небось жена и семеро по лавкам?

Рома отрицательно помотал головой. К чему относилось это отрицание, я не поняла. Ну, ладно. Идем дальше.

— Что будет со мной после того, как «Гордость» вернется на Аттарию?

— Я же сказал — со мной останешься, — повторил мужчина.

— В качестве кого?

И вот тут он немного запнулся. Моя физиономия принимала все более торжествующее выражение.

— А я так и знала! — воскликнула я и поднялась с ложа грациозно, как пантера, готовая к прыжку. Ну, так это должно было выглядеть, пока нога не запуталась в чехле, которым была затянута постель, и я не сверзилась на пол, извергая площадную брань. Но это не помешало мне вскочить, сдуть с глаза прядь волос и снова нацелить на гуманоида палец. — А ну,

колись, морда инопланетянская, зачем подрезал честную землянку с родной планеты?!

Рома, до этой минуты тихо давившийся смехом, рот закрыл и удивленно посмотрел на меня. Затем закатил глаза и протяжно вздохнул:

— Ну не понимаю я твоих оборотов. Я пальцем тебя не тронул, почему подрезал? Куда подрезал? Зачем подрезал?

— Вот и мне интересно — зачем, — проворчала я и забралась обратно на кровать. — Почему ложе такое большое? По моим представлениям, койка на корабле такой быть не должна.

— Трансформер, — ответил синеглазый и все-таки подошел к кровати и сел рядом. — Я увеличил, пока ты в регенераторе лежала, на одноместной спать будет неудобно.

— А я с тобой спать не собираюсь, — заявила я.

— Больше негде, — ядовито заверил Рома.

— Есть. На полу, — усмехнулась я. — И это я не про себя, если ты еще не понял. Я сплю здесь, — мой палец уткнулся в кровать. — Ты — там, — указала на пол. — Возражения не принимаются. Я с незнакомыми мужиками постель делить не собираюсь, я девушка порядочная. — Была еще лет семь назад, но тебе этого знать не полагается, харя синеглазая.

— Ладно, — подозрительно легко согласился Роман. — На полу так на полу. Есть хочешь?

Я прищурилась и просверлила инопланетную физиономию пристальным взглядом, ища подвоха. Не нашла.

— Хочу, — сдалась я, сбавляя обороты. — Курочки бы жареной, салатика там.

Рома направился к уже знакомой панели.

— Система, внимание, — произнес до жути серьезным тоном. — Обед на двоих.

— Обед на двоих, тайлар Грейн, — ответила Система, и в руках моего гуманоида материализовался поднос с едой, до жути напоминающей пайки в самолете.

Поднос Рома поставил на полочку, у которой отросли ноги, и полочка, как верный пес, потащила за первым помощником. Докатилась до кровати и замерла, мимикрируя под столик. Далее был долгий и нудный процесс обнюхивания поданной мне порции неизвестной фигни, череда вопросов из серии — это что, а оно бегало? И закончилось принципиальным:

— Попробуй. Нет, из моей тарелки.

— Зачем? — изумился мой синеглазик.

— Попробуй, — ворчливо повторила я. Рома пожал плечами и попробовал. — Ну и?

— Вкусно, — заверил меня гуманоид.

— Я сейчас проверю, — не без угрозы ответила я и осторожно, подцепив бурую субстанцию на кончик ложечки, попробовала ее кончиком языка. Скривилась, пожевала и вздохнула. — Ну, если больше ничего нет...

Эта страшная с виду фигня оказалась вполне съедобной.

— В питании сбалансировано все: вкус, польза, питательность, — поучал меня Рома. — Посмотри на нас, мы не имеем излишков веса, обмен веществ не нарушен ни у кого. Нет проблем с пищеварением, множество болезней исчезли полностью. Иммуитет на высшем уровне. Срок жизни увеличился в разы!

— А с виду полная хрень, — вздохнула я, облизывая ложку.

— Система, — произнес Рома, как только обед был окончен, и столик ожил, укатил на свое место, превращаясь в полочку, а посуда попросту истаяла. — Телепортация, — пояснил

мой сотрапезник и подлый ворюга землянок по совместительству.

Мы помолчали. Чувство сытости было приятным и не тяжелым. Но хотелось вернуться к выяснению моего настоящего и будущего.

— Вернемся к нашим баранам, — многозначительно заявила я. — Итак, ты женат?

— Нет, — улыбнулся мужчина.

— Невеста? — Он пожал плечами, показывая, что не понимает значения этого слова. — Девушка? Ты с кем-нибудь встречаешься, живешь?

— Была, но мы сочли наши отношения непродуктивными и расстались. — Рома повернулся лицом ко мне и теперь с интересом рассматривал.

Я снова замолчала. Краси-и-ивый, гад. И одинокий. Вот как так? Может, брачок ниже? Зачесался язык, но я, конечно, в эту область лезть не стала, нетактично это. Может, у него проблемы, а я на большую мозоль. И тут проснулась гениальная моя, та самая, которая мысль. Уж не поэтому ли он меня умыкнул, что со своими не выходит, а для примитивной сойдет?

— Ты опять странно на меня смотришь, — беспокойно сказал Рома, отсаживаясь подальше.

Я выдохнула и прикрыла глаза, собираясь с мыслями. Затем снова выдохнула и решилась:

— Твой поршень рабочий? Ходит без сбоев?

Рома «висел» дольше обычного, осмысливая мой вопрос. Наконец сдался:

— Что ты имеешь в виду? Я не понимаю.

Я закатила глаза и шумно выдохнула.

— Ну, твой агрегат... прибор... Черт, змей одноглазый шевелится? Да чтоб тебя, Рома! — разозлилась я на его непонятливость. — Гулять младшего выводил часто? Крот норки роет? Ы-ы-ы-ы... Затвор хотя бы передергиваешь? Лысого гоняешь? Ну, Рома-а-а!!!

— Да не понимаю я! — воскликнул он, ударив себя кулаком в грудь. — Скажи нормально!

Я взвыла, не зная, какую еще аллегория выдать, чтобы не тыкать пальцем и не называть ЭТО своим именем. Судя по выражению лица инопланетянина, он мысленно тоже выл. Не мои проблемы. Нужно нормально переводчик свой настраивать, чтобы порядочным девушкам не приходилось объяснять очевидное!

— Вот это, — я, не глядя, ткнула в его причинное место.

— Что это? — переспросил синеглазый.

— Это, — повторила я, скосила глаза и снова отвернулась.

Рома почесал в затылке, потер подбородок, помычал, отстукивая пальцами по кровати, и вдруг радостно просиял.

— Ах, ты про него! — И каюту огласил дикий ржач. — Змей, а-а-а... Лысый крот... Одноглазый поршень, у-у-у...

Я ждала, пока его истерика пройдет, вопрос меня волновал по-прежнему, и не из праздного интереса. Мое самолюбие, а оно входило в комплектацию Инессы Журавлевой, требовало подтверждения, что меня притащили сюда не потому, что примитивная польстится на всякий нерабочий хлам, чтобы поднять гуманоидную самооценку.

Рома хохотал, утирая слезы, затем сграбастал меня, подтянул поближе и уткнулся в плечо, сотрясаясь от смеха. Я немного подождала, затем вежливо покашляла, постучала синеглазого по спине, реакции — ноль, и я его щипнула. Хорошо так, всю душу вложила в это

нехитрое действие. Рома хрюкнул и отстранился. Я скинула с себя его руки и независимо потрянула головой.

— Ну? — грозно спросила я. — Рабочий?

— Функционирует исправно, — заявил Роман, все еще посмеиваясь.

— Странно, — задумалась я.

— Почему странно? Могу доказать. — Синеглазый протянул ко мне длани в искреннем порыве не откладывать доказательства в долгий ящик.

Надавала по лапам и отодвинулась подальше. Рома пододвинулся ближе.

— Сидеть! — рявкнула я. — Так дома у себя что со мной делать будешь? — вернулась я к насущному.

— Все то же самое, — ослабился недобитый гуманоид и продолжил наступление. Нет, ну какова наглость! — Заботиться о тебе буду, оберегать, ухаживать, — обещал он, сверкая загадочной улыбкой.

— И на прививки к ветеринару водить? — съязвила я, перекачиваясь на другой край кровати. — И ошейник именно с бриллиантами подаришь? А миску купишь? А домик и когтеточку? Нашел себе питомца!

— Ну, Инна! — возмутился Рома.

Я в очередной раз увернулась и скатилась на пол. Вскочила, потирая зад, и безапелляционно заявила:

— Гулять!

— Сейчас? — изумился похотливый самец с горящими глазами.

— Немедленно! Веди на выгул!

И, обойдя кровать по широкой дуге, забрала тапочки, белые. Офигеть! Извращенец-зоофил! Мало того что говорит как о домашней зверюшке, так еще и крота своего пристроить к моей норке собрался. И кто он после этого?!

— И-ин, — позвал синеглазый.

— Пошляк, — фыркнула и замерла у двери. — Не выведешь — по углам гадить буду, — пригрозила я.

— Что ж ты такая... — вздохнул Рома.

— Красивая? — уточнила я.

— Да! — рявкнул извращенец, и дверь зашипела, выпуская нас в узкий коридор.

Мое появление в зале перемещений было встречено дружным стоном обслуживающего персонала. Я вздернула подбородок и прошла к возвышению, после обвела взглядом тех, кого в первый раз не заметила. Их было пятеро, стоявших за стеклянной тонированной панелью. Обведя техников, ибо на пятерке были оранжевые комбинезоны, суровым взглядом, я схватилась за живот и издевательски произнесла:

— Бе.

Они дружно отпрянули от стекла, Рома со скучающим видом поднял глаза к потолку.

— Показалось, — ядовито сказала я.

Техники вернулись к своим местам, Рома положил мне руки на талию, сбрасывать не стала до приземления. Послышался легкий гул, блекло сверкнуло и...

— Уроды, — просипела я, пытаюсь удержать в себе полезный обед.

— Ты очень много ругаешься, — укорил меня Роман.

— Нет, я должна вам всем на шею кинуться, — ехидно усмехнулась я.

— Только ко мне, — осклабился зоофил, и я выпуталась из его рук.

Мы огляделись, Чубакки не было видно. Я вдохнула местный воздух поглубже и зажмурилась:

— Хорошо.

— Да, приятная планетка, — поддакнул синеглазый.

Мы немного прошли по джунглям, приключения не спешили нас найти, и я начала расслабляться, гениальная мысль тоже. Она подняла голову и зашептала мне в ухо очередной гениальный план, других у нее просто не было. Интуиция прислушалась и решила высказаться против, гордость задавила интуицию, а дурь яростно затрясла головой, поддерживая гениальную мысль. Мне деваться было некуда.

— Рома, — позвала я и, дождавшись, когда он на меня посмотрит, продолжила: — А ты за меня ответственность несешь?

— Конечно, — кивнул головой гуманоид. — Я забрал тебя с родной планеты, значит, вся ответственность за твою жизнь и здоровье лежит на мне.

— И теперь ты будешь беречь меня, холить и лелеять? — живо заинтересовалась я.

— Да, — уверенно кивнул Роман, но в глазах появилась настороженность.

— А причинить мне вред можешь?

— Нет! — возмутился синеглазый.

— Хорошо, — широко ухмыльнулась я. Я огляделась, заметила пышный цветок белого цвета и указала на него. — Хочу.

Рома улыбнулся и направился к цветку. Подождав, пока он отойдет подальше, я сделала несколько шагов назад и, как только синеглазый потянулся за цветком, росшим на дереве, припустила в заросли. Куда и зачем, я не могла объяснить даже себе. Под руководством гениальной мысли, гордости и дури я неслась не разбирая дороги, счастливо хихикая.

Хорошо бежала, быстро, даже красиво перепрыгнула яму, появившуюся под ногами. Затем нырнула за широкое дерево и притаилась, лаская свое самолюбие тем, что сейчас по джунглям носится шикарный мужик, в панике разыскивая меня.

— Инна! — донеслось до меня.

— Хи-хи, — выдала дурь.

— А вот так ему, — подхватила гениальная мысль.

— Ибо неча, — задрала нос гордость.

— Тсс, — велела я, отмахиваясь от них.

— А ведь ты не на Земле, — заскулила интуиция.

— Вообще на неизвестной планете, — объявился здравый смысл.

— И Чубакка где-то бродит, — задумчиво произнес инстинкт самосохранения. — Много Чубакк, да и прочая фауна...

— Агаарах, — рыкнули за спиной, словно отвечая моему инстинкту самосохранения.

— Мама, — выдохнула я и ме-е-едленно обернулась. — Чуи, привет.

— Угарах, — ответил лохматый и протянул ко мне лапу.

— Да ладно, чувак. — Я придержала его лапу и скользнула в сторону. — Ты погорячился, я погорячилась, с кем не бывает.

То, что это мой Чубакка, я поняла сразу, как только взглянула на огромную «репу» лохматого. Мне предстали две шикарные проплешины. Гулко сглотнув, я сделала еще пару шагов назад.

— Оррок, — пророкотал Чубакка и показал на свою голову.

— Ну, прости ты меня, чудище неведомое, — с надрывом произнесла я. — Ты сам пойми, меня же с родной планеты увезли, дома лишили. Родные, подруги, клиентура, я же ее три года наработывала, а теперь что? Зверюшка для аттарийца? Вся жизнь под откос. — И так мне себя жалко стало в этот момент, что слезищи, размером с яблоко, сами потекли по щекам.

Чубакка моргнул, потом моргнул еще раз и... обнял меня. Душа-человек! Вот это я понимаю, не то что некоторые... Когда из-за деревьев выскочили Рома, Ардэн и еще трое представителей военной части «Гордости Аттарии», я сидела на ручках у лохматого и взалхлеб жаловалась ему на жизнь. Чуи гладил меня по голове, отчего она откидывалась назад и клацала зубами, и жалобно поскуливал, что-то говоря мне. Должно быть, успокаивал.

— Инна, — позвал Рома.

— Вот он, гад инопланетный, — сдала я синеглазого.

— Роганрар, — оскалился Чубакка.

— Ага, а еще крота своего ко мне пристроить пытался, — обличила я извращенца, Рома покраснел... побагровел... черт, Рома разозлился.

— Ну, хватит! — рыкнул он.

Я прижалась к моему лохматому другу, Чуи встал, поставил меня на ноги и задвинул себе за спину. Дальше все было быстро. Рома, чеканя шаг, направился к нам с Чубаккой, Ардэн взял моего нового знакомого на прицел, трое вояк с «Гордости» начали заходить с боков, мы с лохматым не сдались.

— Чуи, у них инструкция, в тебя уже стреляли, больше не бу... Ну ты и сволочь, — прошипела я, глядя из-за Чубакки на Ардэна. Он выстрелил, и плевать на инструкции. — Грабли убери! — взвизгнула я, отталкивая Рому.

Он молча взвалил меня на плечо, не обращая внимания ни на оскорбления, ни на попытки жахнуть его посильней.

— Ты лучше всех! — крикнула я своему лохматому другу, провожавшего меня тоскливым взором.

Позади шел командир, за ним трое вояк, я впереди на лихом коне, то есть на Роме. Сдерживать свой гнев я не стала и излила его на спину синеглазого, как только нас подняли в

зал перемещений. Ардэн скривился, техники простонали, робот подобрал то, что долетело до пола. Ну и пошли они все, нам, примитивным, все можно.

Роман, наплевав на изгаженную спину, бодрой походкой направился в свою каюту.

— Грейн, — позвал его Ардэн.

— Не сейчас, Дмирт, — ледяным тоном отозвался мой синеглазик, я затихла от греха подальше.

В каюте меня поставили на пол и свалили в душевую чистить перья. Я подошла к панели на стене и вздохнула:

— О'кей, Гугл. — Тишина в ответ. — Тьфу на тебя, чудо-техника, — проворчала я, вспоминая точную команду, но произнести ее не успела, потому что:

— Благодарю, Инна, мне приятно, что вы такого высокого мнения обо мне, — отозвалась панель.

— Э-э-э, хы. — Я криво усмехнулась и почесала в затылке. Вот ведь... — Добрый день, — поздоровалась я.

— Добрый день, — ответила Система. — У вас есть пожелания?

— Мне бы чего покрепче, — попросила я.

— Уточните запрос, пожалуйста, — последовал ответ.

— Алкоголь. Вино, коктейль, черт возьми, водка, — рубанула я сплеча. — Можно пиво.

— Запрос принят, Инна. — И я почувствовала легкое покалывание в кончиках пальцев.

Посмотрела на руки и чуть не выронила стакан, но вовремя сжала пальцы.

— А таблетки от похмелья? — поинтересовалась я, глядя на пластину с разноцветными пилюльками.

— Это сухой алкоголь, возможно, он подходит под определение «водка», — отозвалась Система.

— Спасибо, — хмыкнула я и спрятала полезные таблеточки в карман джинсов.

— С вами приятно общаться, Инна, — сказал приятный женский голос и замолчал.

Я прошла со стаканом к облюбованной кровати, которая теперь, по определению, моя, личная, уселась по-турецки и пригубила жидкость в стакане.

— Ничего так, — одобрила я, ощущая приятное тепло, потекшее по телу.

Из душевой вышел Рома. Вышел и замер, глядя на меня. Нет, правильной сказать, я замерла, глядя на него, а он просто рассматривал то, что я держу в руках.

— Ты сумела воспользоваться Системой, — констатировал синеглазый.

— Ага, — ответила я, утирая слюни.

Чума-а-а. И кубики, и бицепсы, и трицепсы, и вообще весь набор для ценителя прекрасного, то есть для меня, стоял посреди каюты в одном полотенце, намотанном на бедрах. Ши-и-ик. Восхищенно выдохнув, я сделала большой глоток из стакана, поперхнулась и отчаянно закашлялась. Синеглазый шагнул ко мне...

— Мли-и-ин, — просипела я, когда передо мной остановился крепкий рельефный торс.

— Что? — Рома склонился и заботливо посмотрел на меня.

Я подобрала челюсть с кровати, вставила ее на место и облизала разом пересохшие губы.

— Одейся бы ты... Рома, — попросила я, вновь впиваясь в край стакана.

Инопланетный самец оглядел себя и выпрямился с самодовольной ухмылочкой. С-с-сволочь... Я жадно выхлебала почти все пойло, параллельно вспоминая, когда у меня было последний раз. Вспомнила. Месяц назад от меня последний винторогий сбежал, вот тогда и

было, прощальный, так сказать. Не ах, если честно, но с паршивой овцы хоть шерсти клок.

— А может... — Горячее дыхание обожгло мое ухо, и я резко отпрянула назад, вылив остатки вкусной алкогольной штуки в лицо искусителя.

Он дернулся назад, ругаясь и ожесточенно стирая с лица мое пойло. Я утерла дрожащей рукой пот со лба, еще раз слюни и сурово свела брови.

— Ты что себе позволяешь, нелюдь? Я тебе кто? Я честная девушка! Оденься немедленно. Негодяй, — и с видом оскорбленной добродетели нырнула в душевую. — Мли-и-ин, — потрясенно прошептала я, глядя на свое отражение. Зеркало тут было во всю стену. — Извращенец. — Фальшивое возмущение не помогло, потому что я представила...

Я подхожу сзади к мужчине, стоящему под душем, смотрю, как струи воды катятся по его плечам, спине, спускаются на упругие ягодицы... Я кладу ему на спину ладони и чувствую горячую кожу, касаюсь ее губами и поворачиваю голову к зеркальной стене, подернутой туманом. Я вижу в отражении, как мужчина запрокидывает голову и закрывает большие синие глаза. Я прижимаюсь к нему всем телом, мои руки, огладив мощные плечи, ныряют под его руки и уже скользят по животу, поднимаются на грудь... А в зеркале я вижу, как возбужден его...

— Ой ты ж мамочки, — хрипло выдохнула я. — Мне нужна вода, холодная. А-а-а! — Мой визг отразился от стен и оглушил меня саму, потому что с потолка полилась ледяная вода. Система, чтоб ее!

— Инна! — Дверь открылась, и в проеме появился Рома, его физиономия была встревоженной, но, увидев мокрую курицу, то есть меня, облитую с ног до головы ледяной водой, развеселился. — Ты решила постирать одежду, заодно и помыться?

— Пошел вон, гуманоид! — Я с визгом пролетела мимо него, спасаясь от холодного душа, и забилась в угол, отчаянно стуча зубами.

— Система, выключить воду, — велел Рома и вернулся в каюту. — Раздевайся, — скомандовал мне.

— Аг-га, щ-щас, — отстучала я челюстями.

— Не глупи, ты мокрая. — Он улыбнулся и достал полотенце.

— Отвернись, — сурово велела я, выбираясь из своего угла.

— Я там уже все видел, — усмехнулся негодяй. — Мне все понравилось, не переживай.

— Урою, — мрачно пообещала я, и мужчина все-таки отвернулся, но его очередное хмыканье я все-таки расслышала.

Стянув мокрую одежду, я замоталась в полотенце и поискала глазами свою сумку. Рома, все так же не глядя на меня, достал мой багаж и положил рядом со мной.

— Одевайся, — милостиво разрешил он.

Я деловито рылась в сумке, ворча себе под нос о том, что бедную женщину лишили всего самого необходимого, вопрошая время от времени:

— И что мне надеть? Я же осталась голой!

Наконец нарыла спортивный костюм, к которому чудесно подходили белые тапочки, и это сарказм, если кто не понял, потому что белые тапочки вообще ни к чему не шли, даже не бежали. Распрямылась, рассматривая футболку с милой киской во всю грудь...

— Попалась, — промурлыкали мне в ухо, и я оказалась сжата в капкане весьма нескромных рук.

Не буду врать, екнуло, даже очень ощутимо так екнуло, и организм тут же отозвался сладкой истомой от предвкушения, но!..

— Грабли убрал, — велела я ледяным тоном. — Рома, я сказала!

Рома борзел. Полотенчко, так надежно, казалось бы, защищавшее мое тельце, предательски упало вниз, и белая девичья грудь крайне недвусмысленно скользнула в загребушие лапы инопланетного казановы. Его пальцы ласково скользнули по моментально напрягшимся соскам, и я закусила губу, чтобы не польстить аттарийскому самолюбию тихим стоном. Собрала волю в кулак, черт, кулак был до отвращения слаб, а воля упорно в него не лезла, но все же...

— Отпусти меня, — строго велела я.

— Ты этого действительно хочешь? — Обжигающие мужские губы проложили дорожку поцелуев от мочки уха до плеча.

— Я... — судорожно вздохнула, потому что губы были невероятно ласковыми, как и руки, чтоб его, — хочу...

— М-м? — спросил синеглазый негодяй, возвращаясь к мочке уха, и чуть сжал ее губами.

— Тайлар Грейн, — приятный голос Системы ворвался в туманящееся сознание, которое никак не желало идти вразрез с нарастающим возбуждением, — командир Ардэн приглашает вас и вашу гостью на совместный ужин в своей каюте.

Рык, вырвавшийся из груди Ромы, напоминал рев обломанного самца гориллы. Еще бы, его намерения недвусмысленно упирались мне в спину. Воспользовавшись заминкой, я вывернулась из рук синеглазого и оценила... крота. Мли-ин, мои подозрения показались крайне нелепы — и там он был хорош тоже. И сверху, и снизу, и все работало. Так и хотелось пробежаться кончиками пальцев по его шелковистой «шкурке». «А как ходит твой поршень?» Мама моя, даже дыхание перехватило от захлестнувшей фантазии, как он будет ТАМ ходить.

— Тайлар Грейн, — напомнила о себе Система.

— Мы скоро будем, — скрипнув зубами, ответил Рома. — Прости, милая, нам придется идти.

— Конечно-конечно, — живо согласилась я, пятясь от синеглазого. — Без проблем.

Он окинул меня тяжелым взглядом, вздохнул и пошел одеваться. Я же спешно нырнула в сумку. Раз ужин с командиром, значит, спортивный костюм — моветон. И достала платье. Короткое такое, обтягивающее фигуру, как чулок, и с открытой спиной, очень открытой, по самое не балуй. Ну, я готовилась к томным вечерам в баре, которые мне обещала реклама турбазы. Только волосы мокрые, ни грамма косметики и... белые тапочки. А были туфли, были! Как раз под это платье. Уроды. От обиды враз схлынули все остатки возбуждения, и я зло посмотрела на Рому.

Он уже оделся и теперь красовался в свежем комбезе цвета хаки. У-у, нелюдь.

— Волосы можешь высушить в душевой, просто прикажи подать теплый воздух, — порекомендовал Роман.

В душевую я входила с опаской. На зеркальную стену вообще старалась не глядеть.

— Система, мне бы теплый воздух, — осторожно попросила я.

Фен во всю душевую впечатлил. Самое удивительное, что ощущения сухости кожи после такой сушки даже не возникло. Да и волосы оказались на удивление мягкими и приятными. Выходила из душевой я уже в платье, потому что машинально утащила его вместе с собой, а вот нижнего белья под ним не было. А почему? А потому что — уроды! Трусы-то сперли, оставив мне одну пару шортиков, а их я выкупала под холодным душем. От осознания собственной развратности я почувствовала новый прилив жара внизу живота, да еще и

оценивающий взгляд Ромы подлил масла в огонь моего состояния. Но я воинственно натянула свои тапочки, разом растеряв все ощущение роковой женщины, поправила волосы и шагнула к двери.

— Инна, ты очень красивая, — сказал мне синеглазый сожитель.

— Идем уже, — проворчала я, скрывая за неприветливостью то, что комплимент достиг цели.

Каюта командира «Гордости Аттарии» оказалась трехкомнатной квартирой, и немаленькой. В гостиной, как я окрестила помещение, где стоял стол, уже находились другие приглашенные. Должно быть, корабельная элита. Присутствовали на званом ужине только военные и ученые, знание — сила, а цвета комбинезонов я усвоила сразу. Наше с Ромой появление привлекло внимание, вернее, мое. Из четырех женщин, находившихся в командирской каюте, я была единственная в платье. И, судя по вытянувшимся лицам всех присутствующих, подобного на их планете не носили. Совершенно спокойно принял мой наряд только Рома — ему он вообще понравился, потому что по дороге сюда этот озабоченный бабуин то и дело поглаживал то обнаженную спину, то пониже ее. Я шипела, он получал удовольствие. Я же говорю — извращенец.

Вторым, кто не впал в продолжительный офигей, был хозяин каюты. Он с заметным интересом оглядел меня с ног до головы, затем окинул быстрым взглядом своих гостей, и на губах правильной формы появилась ироничная, почти издевательская ухмылка.

— Добрый вечер, дамы и господа, — я старалась быть вежливой.

— Приятного вечера, — ответил Ардэн и сделал приглашающий жест.

Я подняла взгляд на Рому и отметила, что он хмурится. Причина такой перемены в настроении стала понятна быстро. Дело в том, что нам предназначались места в разных концах стола. Пустовал стул рядом с командиром, и это было явно место первого помощника. И на другом конце стола, как раз напротив самого Ардэна. Я нахмурилась вместе с Ромой. Во-первых, мой синеглазик уже как-то стал мне почти родным — все-таки он единственный, кого я более-менее узнала... и это я не говорю о том, что он видел меня голой, как и я его. Остальных же видела в первый раз, и дружелюбия в их взглядах было мало. А во-вторых, ехидная рожа командира «Гордости Аттарии» не способствовала правильному пищеварению.

— Ну, что же вы встали? — фальшиво изумился главенствующая на корабле язва. — Проходите. Место для твоей гостыи, Грейн, приготовили...

— Спутницы, тайлар Ардэн, — сухо ответил Рома. — Тайлари Журавлева — моя спутница и как спутница должна сидеть рядом со мной. Этикет вы еще должны помнить по Военной академии и урокам вашего наставника.

Речь моего сожителя почему-то произвела эффект разорвавшейся бомбы. Мужчины поперхнулись, женщины изменились в лице. Одна так вообще брезгливо фыркнула. Меня это завело. Хрен его знает, кто такая эта таинственная тайлари, но моя рабоче-крестьянская кровь вскипела в жилах. Не для того мой прадед Зимний брал, чтобы на меня, как на галактический отброс, смотрело это инопланетянское снобье.

— Роман, — позвала я, — а в вашем продвинутом мире здороваться не приучены? Или я им личиком не вышла?

— Приучены, — усмехнулся синеглазый. — И личико у тебя замечательное.

— Не могу с тобой не согласиться, — важно кивнула я и направилась к выделенному

мне месту. — Ой, какая прелесть, меня рискнули посадить за стол. А что, коврик и мисок не было? Или решили рискнуть? Может, хотите пощекотать себе нервы и послушать, как я чавкаю?

— А вы чавкаете? — живо заинтересовался Ардэн.

— Ага, и на пол сплевываю, — совершенно серьезно ответила я.

Местная публика сдвинулась ближе к командиру.

— Инна, — окликнул меня Рома, но я зависла над товарищем в зеленом.

Зеленый смущенно потупился, затем заерзал, закашлялся, склонил голову еще ниже и побагровел. Я продолжала гипнотизировать его взглядом. Неуютно себя почувствовал не только облюбованный мною индивид, но и остальные сотрапезники.

— Инна, что-то не так? — спросил Ардэн, убрав с лица ехидное выражение.

— Не так, — подтвердила я.

— Вас чем-то смущает тайлар Гиррес?

— А вас не смущает? — любопытствовала я, не отводя глаз от зеленого.

— Меня нет. — Ирония вернулась к командиру «Гордости». — Тайлары и тайлари, вас смущает тайлар Гиррес? — поинтересовался он у остальных.

Рома, устав ждать моего внимания к своей персоне, подошел ко мне и отодвинул стул, предлагая мне сесть.

— Хоть один воспитанный мужчина на весь корабль. — Я закатила глаза. После села и чопорно кивнула: — Благодарю, Рома.

— Система, — позвал синеглазый, и его стул и тарелка с приборами оказались рядом со мной.

Ардэн проследил за его манипуляциями и нахмурился. Уже за одно это захотелось поцеловать Рому, но я этого делать не стала, обвела стол пристальным взглядом и наконец расслабилась, мило улыбнувшись.

— Так понимаю, что больше вас ничего не смущает, — усмехнулся командир, — не так ли, тайлари Журавлева?

— Поживем — увидим, — загадочно пообещала я.

После того как я утомилась, а народ отошел от стресса, командир Ардэн представил мне остальных приглашенных, ну, а меня, естественно, им. Те, кого мне представили, кивали, только все та же дамочка кривила рот в брезгливой ухмылке. Одета она, кстати, была в военный комбинезон. Еще две женщины являлись учеными. Лишними именами я мозг засорять не стала. Их должности тем более не запомнила. В конце концов, у меня уже был Рома, этого вполне хватало, ведь никто не говорил, что я могу свободно перемещаться по кораблю и болтать с кем вздумается. Примитивная, чтоб их...

Когда дань вежливости по-аттарийски была отдана, Ардэн поднял стакан, на бокал это совсем не смахивало, и провозгласил тост:

— За новое приобретение нашего корабля.

Все взгляды скрестились на мне.

— Да-а, — протянула я, глумливо скалясь, — счастья вам привалило. — На лице командира сверкнула запредельная счастливая ухмылка, пропитанная ядом иронии.

— Он не о тебе, — с улыбкой произнес Рома. — Нам выписали новое оборудование.

— И за это пьют? — фыркнула я. — Ну, ладно. Чтоб нам все, а им хрен с маслом. Вздогнули, товарищи.

Товарищи вздогнули, натурально так вздогнули. Я изумленно заломила бровь и

посмотрела на Рому. Он усмехнулся и поддержал тост:

— За это, что бы оно ни значило.

— Присоединяюсь, — отозвался командир, продолжая весело сверкать глазами цвета темного шоколада, остальные настороженно молчали, только зеленый, которому я просверлила взглядом затылок, пытаясь вызвать приступ вежливости, несмело выпил с нами за компанию.

Напряженная атмосфера за столом была неприятна. Аттарийцы чувствовали себя не в своей тарелке, я, признаться, тоже, несмотря на браваду и показную наглость. У меня все больше множились вопросы, ответы на которые я решила получить наедине с Ромой. И я замолчала. Развесила уши, слушая постепенно начавшийся разговор, и молчала.

Было скучно до зубовного скрежета. Беседа велась неспешно, должно быть, с интеллектуальными выкладками, в них я не разобралась. В какой-то момент завязался спор, такой же унылый, как и вся беседа. Никто не жажнул кулаком об стол, не порвал на груди рубашку и даже не заорал в морду собеседника: «Да ты просто не понимаешь!» Напротив, все было до тошноты спокойно, вежливо, пропитано насквозь терминологией и словечками, смысла которых я не понимала напрочь. Зевоту с третьего раза подавить не удалось.

— Ром, а отсюда можно свалить по-тихому? — поинтересовалась я.

— Уйти? — уточнил синеглазик, и я утвердительно кивнула. — Можно. — Он встал, чем привлек всеобщее внимание. — Тайлары, тайлари, тайлар командир Ардэн, мы благодарим за приятный вечер, но моя спутница устала. Мы покидаем вас.

— К чему такие радикальные меры? — с невинной физиономией спросил командир. — Ваша компания, тайлар Грейн, нам приятна, и разговор еще не окончен. Если все дело только в том, что ваша... спутница устала, то она может лечь в моей спальне, а мы продолжим беседу.

— Излишне, — холодно ответил Рома.

— Это верно, Грейн, лучше сразу приучить к одному месту, — подала голос брезгливая стерва.

Я тут же развернулась в ее сторону, смерила пристальным взглядом и пообещала:

— Скажите, где ваша каюта, я вам под дверь нагажу. А если особо понравится, то и в тапки. Считайте это знаком моего к вам расположения. — Затем развернулась к Роме, который не сводил с дамочки неприязненного взгляда, и кивнула в сторону двери: — Идем, дорогой.

— Легких снов, — ележно улыбнулся честной компании мой синеглазик, и мы покинули каюту командира.

Рома подождал, пока я пройду мимо него. Уж не знаю, вырез на спине или высокомерное виляние моего зада привели местную публику в очередной ступор, но когда я подняла глаза на сожителя, тот глумливо скалился мне за спину. Не удержалась и обернулась, окинув сотрапезников независимым взглядом. Глазки аттарийцев были опущены вниз, словно они увидели что-то неприличное. Нагловатый командир пялился на меня, стервозина — на Ардэна, да таким взглядом, словно он ей деньги уже второй месяц не отдает. Хмыкнув, я покинула честную компанию, утягивая за собой собственного гуманоида.

— Ну и тоска-а-а, — выдохнула я. — И как вы так живете?

— Так и живем, — развел руками Роман. — Надеюсь, теперь ты понимаешь, что привлекло меня в тебе, кроме хорошенького личика и приятной фигурки? — Я мотнула головой. — Твоя непредсказуемость, полное отсутствие логики в поведении и

импульсивность.

— Сам дурак, — оскорбилась я.

— Вот о чем я и говорю. Ты прелесть! — Он рассмеялся, приобнял меня за талию и повел в сторону своего обиталища... нашего. Я вырваться не стала, пока не стала. Но в каюте благо разумно отошла в сторону.

Горящий взгляд аттарийского самца демонстративно проигнорировала и уселась в кресло, оказавшееся мягким и удобным. Обстановка в каюте вообще как-то мало соответствовала моим представлениям о том, как должно выглядеть жилое помещение на космическом корабле. Было здесь все как-то по-домашнему, что ли.

— Открой окно, — попросила я, потому что сидела как раз напротив той самой стены, через которую смотрела на астероидное поле.

Рома выполнил мою просьбу и уселся прямо на пол, прижавшись спиной, казалось, к пустоте, потому что за этим панорамным иллюминатором опять был космос. Он рассматривал меня, а я старалась не сверкать отсутствием трусиков. Знаю я уже этого кобеля, уже пристраивался к честной русской девушке земного происхождения. Чтобы прервать неловкое для меня молчание, я спросила:

— Чего эта тощая стерлядь ко мне прицепилась?

— Кто? — Синеглазый задумчиво потер подбородок.

— Баба эта, которая про место сказала, — пояснила я, устало вздохнув.

— А, Хельгар? — Рома усмехнулся. — Во-первых, она из высокопоставленной семьи, гонора много. А во-вторых, — мой инопланетянин широко улыбнулся, — это та самая женщина, с которой мы расстались, посчитав отношения лишеными продуктивности. Ну и в-третьих, Хельгар решила, что ее парой может стать Дмиртаилиан.

— Кто-о? — Я прибалдела от имени.

— Ардэн, — рассмеялся Рома. — Непривычные имена, понимаю.

— Да уж, — хмыкнула я и попробовала повторить: — Дмитраил? Не, Дмитр... Тьфу, Дмитрий, так понятней. Димка Ардэн, — хохотнула я. — Окрестили неруся. — Роме заметно не понравилась моя операция с именем командира. Его проблемы, я ломать язык не собираюсь. — Почему остальные такие замороженные были? От простого тоста вообще задрожали.

— Ин, ты же для них примитив, то есть непредсказуемая. Тебя просчитать невозможно, — рассмеялся синеглазик. — А твое «вздвогнем» восприняли буквально, тем более предыдущая фраза была полностью лишена смысла и привычной логики.

— Да что там непонятного? Чтобы у нас все было, что хотим, а другим ничего не досталось. — Я пожала плечами. — Хрен с маслом, короче.

Хохот Ромы сотрясал стены каюты минут пять. Я смотрела на него и ждала, когда очередной приступ истерики пройдет. Пока он смеялся, я вспомнила еще кое-что.

— Ром, какая разница между «гостья» и «спутница»? — спросила я, заинтересовавшись своим статусом.

— Гости — это временно. Сегодня есть, завтра нет, — ответил он, заставив себя успокоиться. — Посторонняя, в общем, с кем не связывает ничего, кроме дани вежливости и гостеприимства.

— Спутница тоже временно. Сегодня сопровождает, завтра нет, — не согласилась я.

— Сопровождать может охрана или доверенное лицо. Спутница — статус, предвещающий звание более значимое. — Он улыбнулся и замолчал, явно ожидая моей

реакции на его слова.

— Народ перекосило оттого, что ты примитивную назвал спутницей, — догадалась я.

— Скажем так, я предъявил на тебя права, этого никто не ожидал. Коллеги считали, что я просто помог пострадавшей приме, взвалив на себя ответственность по содержанию. Но я показал, что они ошиблись. — Улыбка стала загадочной. — У нас с Хельгар был статус временной пары, это означало, что наши гены не дадут потомства, необходимого нашим династиям. У таких пар есть возможность обратиться в Генный центр для коррекции, если мужчина и женщина устраивают друг друга во всем остальном. Или же они прекращают свое совместное сосуществование, посчитав его непродуктивным, как мы с Хельгар.

— А с Димой? — поинтересовалась я и усмехнулась, глядя на лицо Ромы. — Почему ты кривишься? Ревнуешь бывшую даму сердца? Мли-ин. — Я тяжело вздохнула, видя, как скрипит мозгами мой гуманоид. — Тебе неприятно, что твоя женщина положила глаз... э-э, влюбилась в командира? Черт, Ром, как с вами сложно!

— Как раз наоборот, — усмехнулся Роман. — С нами все просто до тошноты. Это с тобой все сложно и непонятно. Почему ты не подпускаешь меня к себе? На Аттарии близость между мужчиной и женщиной — нормально.

Теперь зависла я. Что тут непонятного? Я его знаю один день. Даже с учетом того, что я давно и благополучно не девственница, не могу же я это делать с практически незнакомым мужиком, пусть у меня на него и идет обильное слюноотделение. Тем временем Рома ждал ответа.

— У вас практикуются случайные связи? — поинтересовалась я.

— То есть? — Синеглазый явно меня не понял.

— Случайный секс, — пояснила я. — Ну, секс с тем, с кем никаких отношений дальше не будет, даже может, уже никогда не встретитесь. Такой разовый перепихончик. Черт, спаривание при первой встрече.

— Я понял, — успокоил меня Рома. — Нет, это у нас не практикуется. Зачем? Обычно всегда есть пара, пусть и временная. Партнера можно менять, пока не встретишь постоянного. Обычно это пара, с которой у тебя наиболее продуктивное совпадение...

— Не продолжай. — Я махнула на него рукой. — Роботы вы, а не люди. А любовь? Страсть? Чувствами вы совсем не руководствуетесь, только набором генов? Нет, я понимаю, таким образом, в совокупности с правильным питанием и тэ дэ, вы все такие красивые и ладные, наверное, и мозги у вас тоже правильные, но эмоции?

— Инна, ты все-таки не поняла, — мягко улыбнулся Рома. — Когда-то я увлекся Хельгар, она ответила мне взаимностью, и мы получили наш официальный статус временной пары. Думаю, она была заинтересована не во мне, а в положении моей семьи, но это не отменяло возможного будущего для нас. Пожив вместе, мы поняли, что не подходим друг другу и не готовы меняться, статус был расторгнут. Да, кто-то изначально руководствуется практическим подходом к постоянному союзу и сразу ищет равноценную половину. Это сделать не так сложно, просто закладываешь свои данные в систему генного отбора. В общем-то, мы все в этой базе. Но право на отказ от подобранной системой пары у нас есть. Я отказался уже дважды, потому что не возникло симпатии. Ардэн также отказался. У него сложный набор, в крови есть примесь инопланетной крови, что затрудняет подбор.

Я почесала в затылке. Крутая штука. Вот бы на Земле такую, я бы, наверное, уже была при муже и детях. Жили бы два дурака, зато весело.

— Так почему ты меня не подпускаешь к себе? Не нравлюсь? — Лукавый взгляд Романа ясно говорил, что обмануть его не удастся и он точно знает, что нравится мне.

Я усмехнулась.

— Я тебя знаю всего один день, какой секс, Ром? А где конфеты-букеты? Где попытки завоевать меня, увлечь, очаровать? — Ладно, я набивала себе цену, признаю. Обычно это бывало прозаичней и быстрее, но имею право, в конце концов! Тем более со своим положением при синеглазом я еще так и не разобралась. Может, спутница — это друг, секретарь, официальная любовница.

— Четыре дня, — широко улыбнулся мой сожитель. — Четыре земных дня. Регенератор перенастроил твой организм выдерживать стандартное космическое время. Мы на орбите Свены провисели земные сутки. А что с конфетами и букетами?

Не знаю, как организм, а я сейчас была в глубоком шоке. Четыре дня! Это я торчу здесь целых четыре дня?! Мама дорогая, меня же через три-четыре дня хватятся. Ой, что бу-удет... Ну, Рома! Я зло взглянула на похитителя, встала с кресла и направилась к своей сумке — она так и стояла возле кровати. Достала оттуда пижамку, состоявшую из шортиков и маечки в единорожках, и отправилась в душевую, где жалобно попросила:

— Система, мне бы умыться так, чтоб не вся.

— Запрос не понят, — ответила Система.

— Теплой воды, но немного, — поспешила я добавить. Потом с этим иезуитским изобретением разберемся.

Кое-как умывшись на ночь, я переделалась в пижаму и вернулась в каюту.

— Ты спишь на полу, — напомнила я.

Рома указал на матрас, находившийся с другой стороны кровати и высотой с нее же. Чехол с моего царского ложа уже был снят, и я завалилась на приятное телу белье. Тонкая простынка оказалась одеялом.

— Если замерзнешь, она усилит нагрев, определит по температуре твоего тела. И, наоборот, будет охлаждать, если станет жарко. Легких снов, — не вдаваясь в долгие разговоры, быстро распрощался со мной Рома.

— Спокойной ночи. — Я зевнула и закрыла глаза.

Послышалось тихое шипение двери, но смотреть, куда делся мой сосед, я не стала, быстро погружаясь в сон. Он был приятным, в смысле сон. Ласковый, нежный, как руки Ромы, блуждавшие по моему телу...

— Рома? — Я распахнула глаза и поняла, ни фиги не сон.

Руки были, и они блуждали, нагло лезли, куда им не положено, и предательское тело отвечало на вторжение прерывистым дыханием.

— Рома, хватит, — строго велела я.

— Что хватит? — спросил мерзавец, прокладывая дорожку поцелуев, легких, словно крылья бабочки, от моей шеи до груди, подразнили и вернулись обратно. Лямки майки сползли с плеч, встретив мое вялое сопротивление. — Хватит?

— Да, — хрипло ответила я.

— А так?

Меня в жизни так упоительно не целовали, я начала плавиться, как только его губы накрыли мои, попробовала оттолкнуть, но руки сами собой скользнули на широкие плечи, и я охнула, как только язык мужчины сплелся с моим.

— Все еще хватит? — чуть насмешливо спросил он, вновь чертя дорожку вниз по моему

телу.

— Да, хватит, — простонала я, как только горячий рот Ромы накрыл вершину правой груди.

Рука мужчины огладила левую грудь и прошлась по тугой горошине соска, едва касаясь ее. Не выдержав этой сладкой пытки, я выгнулась ему навстречу, и Рома остановился.

— Хватит? — его голос наполнился бархатистыми нотками, и это подействовало на меня не хуже поцелуя.

— Рома, — выдохнула я. — Хватит.

— Хорошо. — Он покладисто согласился, и его губы переместились к левой груди.

Задохнувшись, я вцепилась пальцами в простыню. Бастион рушился на глазах, и я, пытаюсь удержать разум на плаву, протяжно вскрикнула:

— Хва-атит!

— Как скажешь, — согласился мужчина, майка поползла вверх, и его губы проложили новый путь, спускаясь на живот.

— Нет. — Напряжение внизу живота стало болезненным.

Все тело молило, чтобы он не останавливался, но язык снова произнес:

— Хватит!

— Уже? Ну, ладно. — Рома тихо рассмеялся, стянул шортики, не встретив вообще никакого сопротивления, и раздвинул мои ослабевшие ноги, удобно устраиваясь между ними.

— Не надо, — взмолилась я.

— Что не надо? — спросил мой соблазнитель.

— Так не надо...

— Так? — Его ладонь накрыла самое сокровенное. — Или так? — Пальцы огладили уже давно влажный бугорок, вырвав мой вскрик. — А может, так? — И в меня скользнул один палец, но вскоре присоединился второй, неспешно начав свое движение.

Мысли путались, но я упрямо произнесла:

— Пожалуйста...

— Все для тебя, — ответил Рома, и его язык коснулся возбужденного бугорка клитора.

Пальцы судорожно сжались, сминая простыню, тело двинулось навстречу ласкающим меня пальцам, и я закричала. Выпустила простыню и запустила пальцы в волосы аттарийца, пытаюсь сама задать темп движения Роминому языку. Он отстранился, и я потребовала:

— Не останавливайся!

Мужчина негромко рассмеялся, навис надо мной и спросил:

— Не хватит?

— Нет! Продолжай!

— Твое желание — закон, красавица. — Я увидела его улыбку, и Рома вновь навис надо мной, терзая рот невероятным, пьянящим поцелуем.

Затем лег на спину, вынудив сесть себе на лицо. Не смогла быть эгоисткой, развернулась и впилась взглядом в его член. Красивый. Осторожно пробежалась кончиками пальцев от головки до основания, огладила мошонку и вернулась к стволу, обхватив его пальчиками. Затем склонилась и попробовала на вкус, лизнув головку. Рома застонал, на мгновение прекращая ласкать меня. Я улыбнулась и погрузила мужское естество в рот, оставляя все моральные терзания на потом.

Но уже вскоре остановилась, полностью отдаваясь ощущениям, что дарил мне этот

инопланетный мужчина.

— Рома, — выдохнула я, ощутив приближение оргазма, и протяжно застонала, когда жаркая волна прокатилась по телу, расходясь от самого центра моего женского существа стремительным цунами.

И как только моя голова ткнулась ему в бедро, опалая горячим дыханием, Рома перевернул меня и навис сверху, вновь целуя лицо, губы, шею, грудь.

— Я больше не могу, — взмолилась я.

— А так можешь? — улыбнулся мужчина и овладел мной.

Мои ноги, подвластные воле любовника, взлетели ему на плечи, и Рома начал двигаться. Сначала медленно, не спеша, заполнял меня собой и так же не спеша покидал истекающее желанием лоно. И вновь входил, чтобы задержаться на мгновение и вновь покинуть меня, оставляя ощущение сиротливого одиночества. Я кусала губы, чтобы сдержать рвущиеся вскрики, но они все равно прорывались наружу сдавленными стонами.

Но вот движения мужских бедер резче, он уже не входит, он вторгается, и я больше не сдерживаю себя. Захлебываюсь криком, когда он переворачивает меня, ставя на четвереньки. Сколько поз сменилось, сколько вообще продолжалось это безумие, я не могу сказать, потому что полностью растворилась в сумасшедшем синеглазом вихре страсти и всепоглощающего удовольствия. Сколько раз я взмывала в небо и срывалась в пропасть, я не знаю. Но когда сил уже не осталось, Рома подмял меня под себя, впился в губы болезненным поцелуем и громко застонал. Несмотря на полное бессилие, мои пальцы впились ему в ягодицы, стремясь продлить этот миг единения. Мужское тело последний раз вздрогнуло, расслабляясь, и Рома лег рядом, притягивая меня к себе.

— С ума сойти, — выдохнул он.

У меня на разговоры сил не было. Я просто лежала на его груди и пыталась отдышаться. Сил не было даже на то, чтобы открыть глаза, шевелиться было лень до такой степени, что я себе напомнила плюшевого мишку, которого можно положить как захочется, а он будет только глупо улыбаться своей приклеенной улыбкой. Вот и на моих губах застыла глуповатая улыбочка полностью насытившегося организма.

— Инна, — позвал меня Рома, я только многозначительно помычала в ответ.

Завтра я ему все скажу, что думаю о столь вопиющей наглости... Но сегодня мне слишком хорошо, чтобы начинать военные действия.

— Инна, — снова позвал Рома, — ты не обиделась на меня?

— Завтра поговорим, — все-таки выдавила я, зевнула и быстренько сбежала в сон, пока мой инопланетный любовник не продолжил спрашивать.

Я сплю с инопланетянином, офигеть! Девки бы обзавидовались...

Утро началось суетно. Во-первых, я проснулась от Роминого рывка через меня, во-вторых, меня тут же закутали с головой простынкой, из-под которой я высунула сонный нос, чтобы выяснить причину, по которой по сладко спящей землянке проехался инопланетный каток стальных мышц, отдавив все, что только можно было отдавить. А в-третьих, обнаружив причину, впала в праведное возмущение, обратив гнев с Роминой головы на голову Дмитрия Ардэна, правда, пока только злобно сопела под простыней. Потому что читать жаркие речи в неглиже как-то не принято.

В общем, эта наглая сволочь, называемая командиром научно-исследовательского космического корабля, материализовала свой голографический лик посреди нашей с Ромой каюты, даже не предупредив о своем появлении. Он с заметным интересом разглядывал ложе, на котором все еще покоилось мое тельце, а мой синеглазый рыцарь стоял перед ним в чем мать родила и был настроен крайне воинственно.

— Какого лысого крота ты вламываешься без предупреждения? — требовал ответа первый помощник у своего командира.

— Тайлар Грейн, вам не кажется...

— Не заговаривай мне зубы, Ардэн! — психанул Рома.

Ардэн вытянул шею, заглядывая через плечо своего первого помощника, и я высунула из-под простыни руку, демонстрируя ему оттопыренный средний палец.

— Тайлар Грейн, жду на мостике, мы приближаемся к орбите Крайгона, — отчеканил Димон Наглая Морда и исчез, бросив последний взгляд в мою сторону.

— Офигел, — выдал Рома очередной перл из моего словаря и направился в душевую. — Отдыхай, — улыбнулся он мне и скрылся за дверью.

Отдыхай! Я заворчала себе под нос и попробовала снова уснуть. Мне даже это почти удалось, когда мой синеглазый соблазнитель вышел из душа, с сожалением вздохнул и оделся. После присел на край кровати и потянулся, чтобы поцеловать меня. Я выставила перед собой руку, и он ткнулся губами в ладонку. Не расстроился, перецеловал каждый пальчик и радужно улыбнулся.

— На Крайгоне неплохие магазинчики, пойдем сегодня тебя баловать, — сообщил он, и я убрала ладонь, открывая доступ к барской физиономии, с интересом распахнувшей глаза.

— Это я люблю, — деловито довела до его сведения.

— После посадки зайду за тобой, — пообещал Рома, чмокнул-таки в губы и ушел.

Я проводила широкую спину внимательным взглядом и закрыла глаза. Сон не шел. Помянув недобрым словом командира «Гордости» и послав ему, до кучи, пару пожеланий, я вздохнула и встала с широкого ложа. Второго, которым мою бдительность вчера усыпили, уже не было. Интересно, куда он его дел?

— Система, доброе утро, — вежливо поздоровалась я.

— Удачного и продуктивного дня, тайлари Инесса, — отозвалась Система. — Вы чудесно выглядите, жизненные показатели лучше, чем вчера. Уровень гормонов нормализовался.

— Спасибо, ты тоже ничего так, и голос у тебя приятный, — ответила я комплиментом на комплимент. — Система, а куда делась вторая кровать?

— Голографическое изображение было убрано тайларом Грейном, как только вы

заснули, — сдала синеглазого Система. Вот жучара инопланетянский! — Вы что-то еще желаете узнать, тайлари Инесса?

— Что это за обращение — тайлар, тайлари? — поинтересовалась я, потягиваясь.

— Обращение к элитарному сословию, — ответил мужской голос за моей спиной.

— Вашу ж мамашу! — взвизгнула я и обернулась. — Здра-асти, хамло гуманоидное, — протянула я, пятясь к кровати и прикрывая стратегически важные места волосами. Волос на все не хватало, пришлось задействовать руки. Ардэн рассосался в воздухе.

— Сзади тоже вид симпатичный, — послышалось за спиной.

Я резко обернулась, изображение командира было уже за спиной. Злобно зашипев, я подхватила простыню и замоталась в нее, закинув длинный конец на плечо. Тут же почувствовала себя Юлием Цезарем и воспряла духом.

— Неплохую игрушку раздобыл себе Грейн, — хмыкнул Ардэн.

— А не пойти ли вам, уважаемый, на хутор бабочек ловить, пока дальше не послала, — поинтересовалась я. — А я ведь пошлю, потом догоню и еще раз пошлю.

— Прима — она и есть прима, — делано вздохнул командир. — Ни воспитания, ни этикета.

— Это ты мне о воспитании говоришь, Пятачок? — Я уперла руки в бока. — Я тебе еще сама курсы по этикету устроить могу.

— Устрой, — покладисто кивнул мужчина.

Состояние офигея углублялось, меня даже словарный запас подвел в эту минуту.

— Чего надо тебе, гуманоид махровый? — поинтересовалась я, присаживаясь на край кровати.

— Курсы по этикету, — ухмыльнулся Ардэн. — Углубленные знания.

Офигей перерос в глубокий шок.

— Кэп, у вас с бабами, что ли, напряженка? — спросила, пытаюсь понять — это статус примитивной толкает аттарийцев на вольное отношение к моей персоне или это я такая вдруг стала сногшибательная.

Ардэн замолчал, напряженно думая.

— Что? — спросила я. — Толмач нужен? Черт, переводчик? — Тот кивнул. — Бабы — женщины, напряженка — не хватает.

— А кэп?

— Капитан, млин! — раздраженно воскликнула я. — Вы что тормоза-то такие? Млин — непереводаемая игра слов, — устало пояснила я. — Тормозишь — тупишь, ы-ы-ы, Дима, бесишь. Дима — это ты. — Нет, я сейчас точно взорвусь!

Изображение вдруг исчезло, оставив меня в одиночестве, и больше не появлялось. Я немного подождала и продефилировала в душ. Как только перестала полоскать про себя офигевших гуманоидов, меня торкнуло — элитарное сословие. Любопытно как. Закончив с мытьем и сушкой, я высунула нос в каюту, проверяя ее на предмет нежелательных голографических физиономий, но Ардэн тут отсутствовал.

— О'кей, Гугл, — машинально произнесла я. — Тьфу ты, дьявольская машина, Система!

— Я вас слушаю, тайлари, — мягко отозвалась система.

— Мое шмотье где?

— Запрос не понят.

— Говорю, где мой вчерашний прикид.

— Запрос не понят.

— Барахло. — Признаюсь, я уже просто развлекалась.

— Запрос не понят.

— Труселя и джинсуха.

— Запрос не понят.

— Ладно, где те вещи, которые были вчера на мне надеты, — смилостивилась я. — Моя одежда, вашу мамашу...

— О чьей матери вас интересуют данные? — живо отреагировала Система.

— Вот ведь адово изобретение, — хмыкнула я, но тут же заинтересовалась: — Ты можешь мне предоставить данные на членов экипажа?

— Только те данные, которые находятся в свободном доступе, — услужливо пояснила Система.

— О Роме хочу знать, — решила я.

— Запрос не понят.

— Чтоб у тебя жесткий диск расплавился, — пробурчала я.

— Жесткий диск последний раз использовался две тысячи лет назад по аттарийскому времяисчислению, — ехидно ответила умная электроника.

— Пофиг, — отмахнулась я, собрала мозг в кучку и выдала: — Система, данные на тайлара Грейна. Первого помощника научно-исследовательского космического корабля «Гордость Аттарии», — на всякий случай уточнила я. Затем почесала свою многомудрую голову и ухмыльнулась. — И на командира того же корабля тайлара Ардэна.

— Запрос принят, данные готовы к открытию. Открыть?

— Ясен перец, — кивнула я.

— Запрос не понят.

— Открывай! — рывкнула я, и передо мной появился голографический Рома. — Как живой, — умилилась я. — Жеребец похотливый, сволочь инопланетная. — И все это с такой мечтательной улыбочкой на счастливой роже, что самой тошно стало.

Тем временем Система вещала:

— Ромалиан Грейн, тайлар, родовое звание. Принадлежность: военное сословие. Возраст — пятьдесят три года...

— Сколько?! — прибалдела я, округляя глазищи и подаваясь вперед.

— Пятьдесят три года, — повторила Система.

— Ты хочешь сказать, что это мужик на шестом десятке меня так... э-э-э... так, в общем. Да он не выглядит на пятьдесят три!

— Биологический возраст тайлара Грейна соответствует его внешнему облику, — не согласилась со мной умная техника.

— Да ну-у. — Я забралась с ногами на кровать. — Ладно, оставь Рому. Давай Ардэна.

Мне вдруг стало зверски интересно узнать, сколько лет этому ехидине. Буду их чередовать.

— Дмиртаилиан Ардэн, тайлар, приобретенное звание. Принадлежность: военное сословие. Возраст — пятьдесят три года...

— Охренеть, — выдохнула я. — Что это за собрание пенсионеров? Ладно, давай про Грейна дальше.

— Происходит из семьи военных. Древний род Грейн участвовал в становлении Аттарийской империи, за что получили наследуемое звание — тайлар. — Система вдруг запнулась. — Доступ к данным закрыт.

Я нахмурилась.

— Хорошо, давай Ардэна.

— Доступ к данным закрыт.

— Кто закрыл? — поинтересовалась я.

— Тайлар командир Ардэн, — ответила Система и замолчала.

— Вот же гуманоидное жлобье, — проворчала я.

В этот момент дверь открылась, и в каюту вошел Рома. Он радужно улыбнулся, подошел ко мне и навалился сверху, подминая мое замотанное в полотенце тельце под себя.

— Я соскучился, — объявил он.

— Заметно, — усмехнулась я, ощущая через комбинезон растущую мужскую тоску, хотя я бы ЭТО назвала другим именем. — Рома, ты старый хрыч, — обвинила я его и выбралась на свободу.

Рома поскрипел мозгами и вопросительно посмотрел на меня. Но спросить ничего не успел, потому что его срочно вызвали на капитанский мостик. Мой синеглазик закатил глаза, обозвал кого-то одноглазым поршнем, я даже догадываюсь кого, и ушел, пообещав вернуться как можно скорей.

— Рома, одежда! — крикнула я, вскакивая с кровати, в закрывающуюся дверь.

Меня не услышали, и я с досады пнула кровать и взвыла, прыгая на одной ноге. Кровать глумливо промолчала на все мои эпитеты в ее адрес. Допрыгав до кресла, я упала в него.

— Хоть окно откройте, сатрапы! — выкрикнула я, и панорамный иллюминатор открылся. — Ого, — произнесла я и подошла к нему.

Мы были на земле, то есть на Крайгоне. Не просто зависли, а стояли на космодроме, или как тут у них это называется. Серый бетон, то есть покрытие выглядело, как бетон, на котором стояли металлические гиганты разнообразных форм, снующие между ними люди, машины, подвозящие и отвозящие что-то к кораблям и от кораблей. Ничего не напоминает? Ага, вот и мне нормальный такой земной аэропорт напомнило.

Я прижалась носом к прозрачной стене, с любопытством разглядывая происходящее снаружи, когда за спиной раздалось покашливание. Черт его знает как, но у Ардэна даже покашливание было ехидным, по этому-то признаку я его и вычислила сразу.

— Что надо? — спросила я, не оборачиваясь.

— Я бы на твоём месте закрыл панораму, — сунулся ко мне инопланетное мурло со своим советом.

— Без сопливых разберемся, — проворчала я.

— Э-эм, подозреваю, что речь идет о насморке. — Ты погляди, какой сообразительный. — У нас этой болезни нет уже несколько столетий. — Обалдеть, сейчас облезу от зависти. — Но дело в том, что не только ты смотришь, но и на тебя смотрят.

И как доказательство, перед «Гордостью» остановились двое мужиков. Один — человек и человек, только рожа протокольная, а вот второй...

— Мать моя женщина, — выдохнула я, разглядывая жвала, торчавшие из-под большого серебряного шлема.

Эта парочка пялилась аккуратно на мое величество, даже пальцами потыкали. Я показала им оттопыренный средний палец и царственно удалилась в кресло. Стена за моей спиной восстановилась, и я обратила взор на вторженца, повторив свой вопрос:

— Что надо?

Командир плавно подплыл ближе, верней, его изображение. Он скрестил на груди руки

и некоторое время молчал, разглядывая меня неожиданно серьезно.

— Долго будешь булки мять? — любопытно спросила я.

Мое эго наслаждалось видом зависшего Ардэна. Я осклабилась, ожидая, когда меня таки одарят сообщением о цели очередного визита.

— Ну, — сурово произнесла я.

— Ты влезла в базу данных, — не менее сурово произнес командир. — Ты не имела на это право. Ты понимаешь, что за подобное я могу наказать тебя?

— Неа, мне Система сама предложила, — сдала я всезнайку. — Почему, кстати, был закрыт доступ?

Кареглазый хмыкнул, и заносчивое выражение с его лица исчезло.

— Не страшно? — поинтересовался он.

— Дрожу и плачу, — усмехнулась я. — Так почему закрыл доступ?

— Хочешь узнать обо мне — спроси у меня, — с намеком ответил Ардэн.

Не проняло. Я продолжала вопросительно смотреть на командира «Гордости». Он не только себя, но и Рому закрыл, я продолжала ждать пояснений. Изображение кареглазого пошло рябью и исчезло. И только я решила, что он сбежал, как Ардэн вновь объявился.

— Грейн сегодня на вахте, так что скоро сможешь задать мне свои вопросы лично, — быстро проговорил он и опять собрался линять, но я взвилась:

— Какая вахта, нехристь? У нас шопинг! Кто меня по магазинам поведет? Мне прибарахлиться надо!

Должно быть, совесть все-таки есть и у аттарийцев, потому что мне бросили:

— Не понял половину из того, что ты сказала, но на вахту Грейн заступит вечером. Перед ужином зайду.

И исчез, а я осталась в очередном офигее и с четким желанием пожаловаться Роме. Что за беспредел, в конце концов?! Да это использование должностных полномочий в личных целях! Хотя... Еще одна опция Инессы Журавлевой подняла голову — любопытство. А какого, собственно говоря, хрена я теряюсь? Ну, послушаю инфу из первых рук. Заодно прощупаю почву на тему собственного будущего на Аттарии, а то Рома заходится от восторга при словах о своей планете, а я пока не вижу там для себя светлых перспектив. А еще узнаю, нельзя ли меня вернуть домой.

Посмотрела на ложе страсти и сразу загрустила — мне в жизни такой марафон не устраивали, да и такого шикарного мужика я даже в своих мечтах не видела. Но есть стойкое убеждение, что мужики везде одинаковые, хоть на Земле, хоть на Аттарии. А затем мысли перетекли на Рому и Ардэна. Интересно, какие у них отношения, если Дима позволяет себе такой наглый подкат.

— Однако я одеться хочу, — произнесла я вслух, устав сидеть в простыне.

Дверь зашипела, и в каюту ворвался Рома. Физиономия у него была такая, что я благоразумно придержала свой яд, решив выплеснуть его попозже. Мой синеглазик остановился посреди каюты, закрыл глаза и шумно выдохнул. После посмотрел на меня и настороженно спросил:

— Ардэн появлялся?

— Нет, — честно соврала я. — А должен был?

Рома промолчал, он стремительно приблизился ко мне, подхватил за талию и поставил на ноги.

— У нас мало времени, дорогая, — сказал мой личный инопланетянин. — Быстро

одевайся и бежим по магазинам. Жаль, я хотел показать тебе Крайгон, здесь есть на что посмотреть, — вздохнул он. — Вечером я на вахту.

— Ардэн, — неуверенно произнесла я, все же думая, настучать или нет, но не успела, потому что Рома истолковал произнесенное имя как мою догадку о причинах изменения планов.

— Взбесился придурок! — с негодованием воскликнул синеглазый, нагло умыкнув очередное мое словечко. — То никому не нужную проверку старого оборудования придумал, загонял техников, а я за ними смотри как старший по выполнению задания. Потом вдруг вахту придумал, потом отменил, сократив до ночной.

Закончив свою гневную тираду, Рома притянул меня к себе, отвел в сторону волосы и коснулся губами плеча. И как он умеет так целовать, что сразу мурашечный десант высаживается на кожу и стремительно захватывает всю территорию под кодовым названием «Тело Инки Журавлевой»? Нет, правда, он только в плечо поцеловал, а мне уже горизонтальное положение принять захотелось. Тут же стыдливо покраснела и ненароком уронила простыню.

— Ой, упала, — до отвращения фальшиво расстроилась я и нагнулась, чтобы ее поднять.

Поднимала, красиво изогнувшись, повернувшись задом к моему жеребцу, даже потерлась об него бедром.

— Потом пойдем за одеждой? — с надеждой спросил жеребец, и я сразу же распрямилась.

— А я голой буду ходить? — праведно возмутилась я.

— Тебе идет, — осклабился Роман.

— Шопинг — это святое, — назидательно произнесла я. — Вот вернемся...

— Не успеем, — вздохнул синеглазый, окинул меня пристальным взглядом, отнял простыню, с которой я уже сроднилась, и утащил на кровать. — А может, и успеем.

— Если ты меня не оденешь, то я хрен еще хоть раз разденусь! — вскрикнула я и унеслась в мир, заполненный синеглазым наслаждением...

Спустя час мы неслись по коридорам «Гордости». Рома крепко держал меня за руку и тащил за собой. Я отчаянно ругалась и время от времени награждала его шлепком по мускулистой спине. Роман веселился. А как не ругаться?! Меня нарядили в комбинезон цвета хаки, напялили высокие ботинки, кстати, легкие, как пух, несмотря на массивный вид, хорошо хоть родные трусы-шортики отдали.

Комбинезон был мне велик, и я в нем была похожа на пупса-переростка. Ботинки каким-то волшебным образом сели на ногу, повторив каждый анатомический изгиб, классная обувь, кстати. Но комбез!

— Да меня в таком виде даже на колхозное поле ставить стремно, вороны засмеют, — возмущалась я. — Если придумали такие умные ботинки, не могли и комбинезоны с мозгами сделать?

— Инночка, ты очень милая, — успокаивал меня Рома. — Так бы и потискал.

— Уже потискал, теперь бежим, — ворчала я, облагодетельствуя синеглазого очередным звонким шлепком.

— Будешь напоминать — вернемся, — пообещал похотливый бабуин.

— Хрен тебе, — не без угрозы ответила я, примерилась еще для одного шлепка, но Рома быстро сориентировался.

Он подхватил меня на руки и потащил вперед, не снижая темпа, словно на его руках не висели пятьдесят килограммов чистого золота, то есть я. И если кто-то подумал, что меня несли романтично, то фиг вам. Я была прижата спереди Ромы, причем мои руки тоже были прижаты, ноги пришлось согнуть в коленях, чтобы не мешать инопланетному негодяю унижать честную землянку, шопинг же. А если прибавить к этому большой комбез, стянутый на талии, закатанные рукава, из которых торчали мои маленькие ладошки, то можете себе представить, как мое рабоче-крестьянское величество страдало от своей схожести с какой-нибудь плюшевой игрушкой, которую прижимает к груди большой синеглазый мальчик.

— Рома, я тебя убью, — шипящим шепотом пообещала я. — Нет, сначала займусь с тобой любовью, чтобы было что вспомнить, а потом убью.

— Ради первой части твоей угрозы я согласен и на вторую, — хохотнул недобитый гуманоид и перекинул меня себе на плечо.

Я щипнула его, вздохнула и подняла голову, убирая с лица обвисшие пряди. Нас провожал мрачноватым взглядом сам ехидина Ардэн. Заметив, что я на него смотрю, убрал уже знакомое мне выражение Хмурой Морды, вздернул подбородок и скрылся за одной из дверей. А наш забег закончился у открытого люка, за которым виднелся космодром. Слава вам, инопланетные боги, никакого луча и зала перемещений!

Прохладный ветер ударил в лицо, взметнув волосы, и меня поставили на землю возле... ну, назовем это автомобилем. Он был низким, обтекаемым, как капля, и совершенно мне не понравился.

— Что за горбатый «Запорожец»? — презрительно спросила я.

— Хрен его знает, что такое «запорожец», а это спайлер, — пояснил Рома. — Новейшая модель, между прочим.

Часть серебристой капли отъехала в сторону, и передо мной предстало два сиденья. Рома кивнул на них, обошел сие чудо инопланетной техники и уселся на второе сиденье.

Вздыхнув, я угнездилась на первом, примяла руками взбугрившийся комбинезон и мрачно подумала, что теперь я похожа на пингвина. Точно убью синеглазого, но потом, сначала шопинг. Капля собралась воедино.

— Система, — произнес Рома.

— Приветствую, тайлар Грейн, — ответил очередной приятный женский голос, — проложите маршрут.

— Торговый квартал, магазины одежды. Точка прибытия — площадь Раздора.

— Маршрут принят, тайлар Грейн, приятной поездки.

И спайлер повез нас на площадь Раздора... Ну и названьице. Сиденье вдруг мягко опустилось, укладывая меня в горизонтальное положение, и надо мной нависла улыбающаяся физиономия Романа.

— Ты красивая, — не знаю, в который раз сказал он и ненадолго завладел моими губами.

— Ромочка, давай поговорим, — предложила я, когда мужчина оторвался от меня и в его глазах зажглась уже знакомая мне страсть.

— Может, в другой раз? — заискивающе спросил он, но я была непреклонна.

— Сейчас, — твердо заявила я.

Рома вздохнул и кивнул. Ну и ладушки. Хотя в полусидячее положение меня не вернули, но теперь синеглазый не спешил с поцелуями, ожидая моих вопросов.

— Для начала, — собрав разбегающиеся мысли воедино, сказала я, — вернемся к вчерашним вопросам. Я хочу понять, что такое спутница. Чем это отличает меня от любовницы? Или это она и есть?

— У нас нет понятия «любовница», поясни, — ответил Рома.

Нет, вот скажите, это нормально? У них нет понятия слова «любовница». Любовница есть, а понятия нет.

— Ну, вот мы сейчас с тобой любовники, то есть состоим в близких отношениях без обязательств, — начала я свои пояснения.

— Как это — без обязательств? — возмутился синеглазый. — Я несу за тебя ответственность, слежу за тем, чтобы ты была здорова, сыта, обута, одета.

— Угу, опять домашний питомец? — насупилась я.

— Глупость какая, — фыркнул Рома, и я сузила глаза. Он спешно поцеловал меня, лишая боевого пыла, вот подлец! — С домашним питомцем не занимаются любовью. Его можно доверить обслуживающему персоналу, родным и друзьям. А ты моя женщина, и заботиться о тебе моя обязанность. И я никому ее не передоверю.

— Какой шустрый, — пробурчала я, скрывая то, что мне было приятно слышать его слова. — Ну а дальше? Что будет, когда ты встретишь или тебе подберут твою идеальную пару? Куда денусь я? Перейду в разряд приживалки?

Представила, что синеглазый приводит в наш с ним дом какую-нибудь очередную заносчивую стервозину... да к черту, вообще приводит! Чего-то даже психанула. Рома, чутко уловивший перемены в моем настроении, широко улыбнулся.

— Чего лыбишься, как эскадронный конь? — сердито спросила я, упираясь ему в грудь руками и отодвигая от себя.

— Я уже отправил запрет на подбор, — ответил он.

— Что так? — Я перестала его отталкивать, тем более Рома так ни на миллиметр и не сдвинулся, несмотря на все мои усилия.

— А мне это больше не надо. — На его губах заиграла загадочная улыбка. — Я уже все нашел.

Я потерла подбородок, поскрипела мозгами и поняла.

— Инна, ты опять на меня плохо смотришь. — Вот теперь он сам отодвинулся. — Что не так?

— Ах ты ж кобелище блохастый. — Я резко села и нацелила на него палец. — Решил, значит, себе такой нехилый мальчишник устроить перед свадьбой, да? Сейчас с прямой порезвишься, а потом под теплое крылышко госпожи Кокнар?

— Какой госпожи? — опешил синеглазый.

— Классику знать надо! — рявкнула я. — Дома, значит, баба ждет, а он пока решил напоследок покувыркаться. Спутница, — ядовито произнесла я. — Конечно, спутница. Эскорт, млин. Блиско ко мне не подходи!

— Какая баба? Какой эскорт? Инна, ты о чем? — вконец опешил мерзавец.

— А вот не надо мне тут невинную морду делать. — Я все более расходилась. — Нашел он, поглядите на него, а Инна, значит, так, потусить-развлечься. И кто она? — Ешкин-лукошкин, я даже сама обалдела от ревнивых ноток в своем голосе.

— Ты, — выпалил Рома.

— Я! — торжествующе выпалила я и осеклась. — Я? Почему я? В смысле — я? Как это я? А чего это я?

— Ты. Потому что ты. В прямом смысле. Так это ты. А того это ты, — подробно ответил синеглазый на все мои вопросы и снова улыбнулся. — Пока ты была в регенераторе, он составил твою генную карту. Я полюбопытствовал — полное совпадение.

— Э-э-э... А-а... хы, — изрекла я и замолчала, осмысливая слова Романа. — Ах ты ж Терминатор недобитый...

— Что не так?! — взвыл Рома.

— Гены значит. — Я уперла руки в бока. — Значит, ты со мной из-за чертовых генов...

— Журавлева! — зарычал тайлар Грейн, и я поперхнулась очередной порцией яда. — Ты земное чудовище! Но просто дико мне нравишься, — закончил в мертвой тишине спайлера Роман и вновь уронил меня на сиденье, затыкая рот крышесносным поцелуем. — Но если продолжишь издеваться над моими нервами, мне придется ночевать в регенераторе, исправляя урон, который ты мне наносишь за день. — Он улыбнулся и провел пальцем по моей щеке, обвел губы по контуру...

— Площадь Раздора, тайлар Грейн, — влез в такой момент приятный женский голос.

Рома вздохнул и сел. Я проводила его ошарашенным взглядом. Это мне сейчас сделали предложение? Первое в моей жизни, между прочим! Обалдеть... И вроде бы надо что-то ответить, но я все еще хлопала глазами, отыскивая, к чему еще прикопаться, даже несколько раз открывала рот, чтобы выдать очередную гадость для осознания собственной крутости, но так и не придумала и сдалась. Вместо этого вернулась к списку своих вопросов.

— Ром, почему я тайлари? — поинтересовалась, вылезая из спайлера.

— Потому что ты моя спутница. — Он обернулся ко мне и улыбнулся.

— Невеста, короче. — Я решила исходить из привычной мне терминологии.

— Что такое — невеста? — тут же заинтересовался Роман.

Вот ведь гуманоид, все не как у людей. Решив отложить на потом выяснение этого вопроса, я выбралась наружу и огляделась. Если здесь и была когда-то площадь, то на сегодняшний день осталось лишь название.

— Почему площадь Раздора? — поинтересовалась я, разглядывая оживленную улицу, по обе стороны которой сверкали, переливались, кричали тысячами огней и голограмм магазины.

Рома обошел спайлер и пристроился рядом, положив мне руку на талию. И где только нашел под складками комбинезона? Мастерство не пропьешь, так-то...

— Крайгон когда-то был единым государством, как Аттария, — сказал мой личный инопланетянин, увлекая в сторону кричащих реклам. — На праздновании их национального праздника произошла ссора, как раз на этой площади. Наследный принц поругался со своим братом. Невинная на первый взгляд ссора переросла в массовое сражение, а затем и в переворот, разделивший Крайгон на два государства. Мы сейчас находимся на территории Республики. Имперская часть более закрытая, на нее можно попасть только по предварительному соглашению. Мы приземлились для дозаправки и пополнения провианта. Ну и чтобы дать людям возможность отдохнуть и немного развлечься.

— Ясно, — кивнула я, рассматривая ближайшую вывеску, на которой были нарисованы сплошные черточки, запятые и кляксы.

После перевела взгляд на другую сторону улицы, где огромный парящий экран показывал женщину в облегающем костюме, сидевшем на ней, как вторая кожа, только яркий изумрудный цвет да короткий шлейф, спадавший мягкими драпировками с плеч, указывали, что она все-таки одета. Я фыркнула и посмотрела дальше. Постепенно проникаясь духом торгового квартала, я чувствовала, как все сильнее берет разгон пропитанное скидками, отравленное акциями и ослепленное яркими рекламами сердце махрового шопоголика.

— Что ты хочешь? — с лукавой улыбкой спросил Рома.

Я ответила коротко, но емко:

— Все!

— Отличный выбор, — рассмеялся синеглазик, и мы нырнули сквозь тетку в зеленом, сразу попав в непривычный моему глазу магазин женской одежды.

Это был большой зал, где вместо тряпья по стенам висели визуалоги. Это такие экраны, которые выдавали объемное изображение товара. Тот, к которому мы подошли с Ромой, был напичкан платьями. Мой мужчина показал мне, как этим визуалогом пользоваться, и меня засосало. Я перебирала по цветам, по моделям, капая на пол слюной от щенячьего восторга.

— Черт, Ром, зацени, у этого модельера явно большая фантазия, — упивалась я, рассматривая полную асимметрию ядовито-оранжевого балахона. — Охренеть, в этом даже на помойку стремно выйти. А это что за страсти-мордасти? Зачем тут четыре рукава? Для разнообразия, что ли? Надоело совать руки в верхние, суй в нижние? Ёкарный бабай, у кого ноги растут вместо рук? Или портниха была пьяной?

Я обернулась и взглянула на Рому, тут же чуть не откусив половину от какого-то диска, который он держал рядом с моей головой.

— Что за хрень? — любопытствовала я.

— Записываю все, что ты мне сказала, потом будешь мне переводить, — совершенно серьезно ответил мой гуманоид. — Хочу понимать свою женщину с полуслова, — пояснил он для особо одаренных, для меня то есть. — А одежда для гуманоидных рас в следующем зале.

У меня дернулся глаз, потом еще раз, и я праведно возмутилась.

— Ром, ты нормальный вообще? На фигу ты мне эту муть подсунул? Я, по-твоему, на лошару похожа, чтобы битый час упиваться просмотром всякой фигни?

— Я просто показал, как этим пользоваться, но ты с таким восторгом игралась визуалогом, что мне не хотелось отвлекать тебя, — ответил он с улыбкой, и мне захотелось дать кулаком промеж этих чистых синих глаз, наполненных искренним умилением.

— Я сейчас подумаю, что ты изучаешь реакции примитива на цивилизацию, и обижусь. Обижусь, Рома, а это офигеть как тебе не понравится. Мозг вынесу на раз, допинаю его до выхода на два, а на три сожру у тебя на глазах твою печень, — пообещала я. — Быстро показывай, где я могу прибахлиться.

Чуть мерцающий маленький диск погас, впитывая мое последнее изречение, и Роман повел меня в другой зал. Вот честно, чуть не убила его. Сам сказал, что времени мало, и поставил меня перед издевательством над моей тонкой душевной организацией, чтобы пополнить свой словарный запас. Еще раз фыркнув на него, я встала перед первым попавшимся визуалогом и начала манипуляции.

Я выбрала длинное бирюзовое платье, очаровавшее меня летящим кроєм. Совершив манипуляции, как показал Рома, я с любопытством смотрела на появившуюся передо мной голограмму девушки-модели, которая дефилировала по просторам магазина, показывая товар лицом, затем остановилась, сияя ослепительной улыбкой и пустыми глазами, смотрящими сквозь меня.

— И чего краля ждет? — шепотом спросила я у Ромы.

— Подтверждение или отказ от выбора, — ответил он.

Я еще раз оценила платье и решительно подтвердила. Короткое мгновение я чувствовала легкое головокружение, а после краля в бирюзовом исчезла.

— И? — Я выжидающе посмотрела на Рому.

— Это все, что ты хотела? — уточнил синеглазый, и я возмущенно посмотрела на него.

— Нет, конечно!

— Тогда выбирай дальше, время идет, — мягко улыбнулся мой красавец мужчина, и я продолжила.

Теперь к делу я подошла обстоятельно. Гоняла модели взад и вперед, развлекалась, в общем, между делом выбрав очаровательный комбинезончик, еще пару платьев и несколько брючных костюмов.

— А нижнее белье? — опомнилась я. — Аксессуары, обувь? Косметика, духи? А украшения?

— Если не будешь тянуть кота за... яйца. — Рома чуть запнулся, пуская в ход мой бравый речевой оборот. — Какое варварское выражение...

— Нормальное выражение, — усмехнулась я. — Короче, Склифософский, я буду быстра, как оргазм девственника при первом сексе, — пообещала я и направилась к следующему визуалогу.

Рома проследил за мной взглядом и покорно поплелся следом. Да, котенок, женщина в погоне за обновками — это страшная сила. И это я только в один магазин зашла. Черт, всего один магазин? У меня даже на секунду настроение пропало, пока я не обнаружила, что теперь смотрю обувь. Здесь все было несколько иначе. Сначала был произведен замер моей ноги и только потом предъявлен каталог удобной обуви. Первым делом я выбрала тапочки, голубенькие. Белые пусть сами носят. А после я чуть не угрохала все время, пока примеряла на свою ножку очередные голограммы. Наконец Рома вежливо кашлянул, и я метнулась дальше.

Нашла нижнее белье, опять почувствовала секундное головокружение, и мне

предъявили все, что было на меня. Еле нарыла комплекты, чья ткань напоминала кружева и шелк. На всякий случай взяла более практичное, на мой взгляд, метнулась дальше, и пришел Облом Иваныч.

— Все, дорогая, время, — виновато вздохнул Роман, а в синих глазах читалось явное облегчение. Лицемер!

— А где мое добро? — хмуро спросила я.

— Уже в спайлере, — улыбнулся он.

Как это в спайлере? Почему в спайлере? Зачем в спайлере?! А ощутить приятный вес кучи пакетов? А гордо прошествовать с ними к машине и забить салон, ощущая себя хозяйкой всего этого? А сунуть нос в один пакет и умудриться не развалить все остальные? А выбрать тот, которым ты будешь трясти первым, рассматривая в машине, а подумать, как Лидка Макарова облезет от зависти?! Мли-ин, тут даже Лидки Макаровой нет! Сволочи! Они украли первый кайф от шопинга...

— Что не так? — осторожно поинтересовался Рома.

— У вас все не как у людей, — проворчала я, плетясь к выходу. — Ни примерочных, ни удовольствия потрясти пакетами с покупками, ни скидок, ни акций. Как я могу без примерки узнать, что мне все подойдет?

— Твои параметры учли, ты не могла этого не почувствовать в первый раз, — удивился синеглазый. — Ты выбирала, подтверждала, я оплачивал и отправлял в спайлер. Очень удобно, что тебе не нравится?

— Да ну вас, — совсем приуныла я. — Я хотела сразу же переодеться, сколько можно Антошкой ходить? — Я оттопырила штанины комбеза.

Роман как-то очень коварно осклабился и выдвинул предложение:

— В спайлере переоденешься.

— Маньяк, — фыркнула я и вышла на улицу.

Пакетов тоже не было. Были «флешки». Пластиковый ящичек с капсулами.

— Это что? — выдохнула я, тыкая пальцем в ящичек.

— Твои покупки, очень экономит место, — с намеком произнес Рома, подталкивая меня к сиденью.

— А пакетами пошуршать? — растерянно спросила я, упав на кресло и взяв в руки ящичек.

— Можешь носителями погреметь, — хохотнул синеглазый, и я сжала кулаки.

— Ни примерочных, ни пакетов, ни Лидки Макаровой, нелюди вы, — всхлипнула я и деловито перебрала капсулы. — Как оттуда добыть обновочку?

Предварительно спросив, что я хочу, Рома порылся в носителях и добыл нужный, после повернул верхнюю часть, и я открыла рот, глядя на мельтешение частиц, «ткавших» брючный костюм. То же он проделал с указанной обувью и нижним бельем. После нажал мне на подбородок, закрывая рот, и весело рассмеялся, не забыв коротко поцеловать мою вытянувшуюся физиономию. Я моргнула, очнувшись от «дива-дивного» и начала деловито раздеваться.

— Глаза сломаешь, — проворчала я, стягивая комбинезон.

— Я помогу. — На меня посмотрели невинные синие глаза.

— Рома, не вздумай! Рома, отстань! Рома, руки! Рома... Ромочка... О-ох...

Когда мы подъехали к «Гордости», я все еще лежала на откинутах сиденье и

мечтательно пялилась в прозрачный изнутри потолок. Рома водил пальцем по моему лицу, обрисовывая нос, губы, подбородок, и улыбался, глядя на меня.

— Нужно одеваться, — сказал он, склоняясь ко мне и целуя в губы.

— Да-а, — протянула я. — Для пятидесятитрехлетнего мужика ты еще орел.

— Еще бы, это самый расцвет молодости, — усмехнулся мой синеглазик. — Если сопоставить с вашим земным возрастом, мне лет двадцать пять, может, чуть больше.

Я распахнула глаза и удивленно посмотрела на него. Ничего себе ровесничек. Да он старше моей мамы на год!

— Я же тебе говорил, продолжительность нашей жизни больше вашей. — Рома слегка щелкнул меня по носу и протянул одежду. — Правда, пора одеваться.

— Черт с тобой, — вздохнула я, продолжая думать над тем, что он сказал.

Это что же получается? Когда мне будет пятьдесят три, я буду выглядеть старше его?! Нет, меня это не устраивает. И что тогда? Будет искать себе супругу посвежей? А меня куда? На Землю? Или в загородный дом, чтобы молодую жену не смущала примитивная?

— Любопытно, — неожиданно произнес мой инопланетянин, — по тебе сразу видно, когда ты начинаешь думать гадости. Расскажешь?

Я поправила безрукавку, заменявшую жакет, вздохнула и...

— Грейн, задерживаешься, — прозвучал недовольный голос Ардэна.

— У меня еще есть время, — не менее недовольно отозвался Рома.

Мы выбрались из спайлера, и я временно откинула мысли о несправедливости жизни. Мне не терпелось открыть все носители и пересмотреть, перемерить обновки, покрасоваться перед зеркалом, покапризничать, решая «и зачем я это купила», а потом с глубоким удовлетворением убрать все в шкаф. Мли-ин... И где я буду выгуливать обновки? Расстроилась и махнула рукой — найдем. Хоть перед Ромой. И сама же усмехнулась собственной мысли. Роме, по-моему, чем меньше одежды, тем лучше. Маньячина мой синеглазый, эх.

— У тебя такая загадочная улыбка, — заметил тайлар Грейн, ведя меня по переходам корабля.

Я промолчала, но улыбаться не перестала. В каюте, пока я чахла над своим богатством, как царь Кощей, Рома озаботился нашим пропитанием. Я бросила косой взгляд на самоходный столик, отгребла подальше разложенные на кровати носители и вновь углубилась в изучение диковинной упаковки.

— Ты похожа на гуалабарского паука-собирателя, — хмыкнул Роман и протянул руку к капсулам.

Я клацнула зубами рядом с его рукой и отгребла свое богатство еще подальше, произнеся голосом Горлума:

— Моя прелес-сть.

Мой сожитель рассмеялся и погрозил едва не отгрызенным пальцем.

— Не лезь к примитиву с обновками, — подмигнула я и все же перебралась поближе к еде. — Чем нас сегодня кормят?

— Вкусной и полезной пищей, — щелкнул меня по носу инопланетянин.

— Ясно, блюдо от шеф-повара «Хрень на постном масле», — деловито кивнула я и взялась за ложку.

— Я даже почти понял, что ты сказала, — развеселился Рома.

После обеда... или ужина, тут по пище не поймешь, мой гуманоид свалил на дежурство,

оставив меня чахнуть дальше — над покупками, разумеется. Теперь я с детским восторгом открывала все носители. И даже не ради обновки — меня восхищал процесс явления шмотья народу. Полуболевшись на воссоздание очередного предмета гардероба, я переходила к следующему, снова радостно сияя глазами.

— Офигеть, — порадовалась я, протянула руку назад и разочарованно вздохнула.

Носители кончились. Совсем. Окончательно и бесповоротно. Ну и ладно, зато гора одежды заняла почти всю кровать. И вот теперь можно было переходить к следующему этапу.

— Вот оно, счастье, — усмехнулась я и приступила к придирчивому пересматриванию обновок.

Я их крутила в руках, искала швы, чтобы праведно возмутиться ширпотребом, но швов не было. Совсем. Помыкавшись еще немного в попытках уличить продвинутых в браке, я махнула рукой. И наконец перешла к примерке.

— Ну-с, начнем, пожалуй. — Я потерла руки, размяла пальцы, выдохнула и приступила...

Через некоторое время я почувствовала легкое раздражение, еще через несколько минут раздражение стало тяжелым, даже с шипящим матерком. Еще минут через десять матерок стал громогласным, ненависть к инопланетной текстильной промышленности росла в геометрической прогрессии, а Рома стал просто счастливым потому, что не попал под горячую руку. Я запуталась! Кажется, что может быть проще платья? Вот и я думала, что сунуть голову в горловину, руки в рукава и натянуть на тело, ан нет!

То самое бирюзовое платье, так мило смотревшееся на модели из визуалого, теперь совершенно беззастенчиво заломало мне руки. В прямом смысле. Скрутило над головой, вывернуло в суставах, и чем больше я боролась с этим иезуитским изобретением, тем сильнее превращалась в рогалик.

— Да чтоб того кутюрье перекосило, который это извращение придумал! — пытала я. — Чтоб он швейной машинкой себе ногу к заднице пристроил. Чтоб его в финансовую пирамиду втянули и придавили ею. Черт! Ненавижу продвинутых!

— Н-да...

— Кто здесь? — От неожиданности я замерла, прислушиваясь к голосу за пределами бирюзовых оков.

— Я думал, отвратительного в тебе только манеры, теперь вижу, еще и память. — Эти ироничные нотки спутать с кем-то еще было просто невозможно.

— Гад ядовитый, — определила я. — Здрости, товарищ командир.

Шаги приблизились, похоже, в этот раз меня осчастливило само физическое тело Дмитрия Ардэна, как бы его в миру правильно ни звали. Однако мое положение становилось неприятным. Решив не ярять дракона, пока принцесса беззащитна, я придала голосу как можно больше любезности.

— Дима, будь так любезен, помоги мне попасть в платье, — попросила я в бирюзовую пустоту.

— Я бы предпочел другой вариант, — задумчиво протянул мерзавец.

— Мне в платье будет удобней, — привела я разумный довод.

— А мне без платья, — усмехнулся командир.

— А зря, в платье бы ты смотрелся просто улет, — хмыкнула я, представив его в летящей бирюзе. — Могу дать примерить.

— На тебе мне отсутствие платья нравится больше, — произнесли где-то совсем рядом.

— Проблемы индейцев шерифа не канают, — сообщила я и возмутилась. — Ну будь человеком.

— Я бы с радостью, но меня все устраивает. — Ардэн издевался, я все еще пыталась держать себя в руках. Впрочем, могла и не пытаться, платье меня удерживало гораздо лучше.

— Рада за тебя. Поможешь? — выдохнув, чтобы не сорваться, уточнила я.

— Как попросишь. — В голосе Димона прибавилось мурлыкающих ноток.

— Дима, бесишь, — рявкнула я. — Все Роме расскажу.

— Ой как страшно, — вновь начал глумиться гуманоидный гад.

Мое терпение давало сбой, я взмокла, устала и готова была растерзать Ардэна голыми руками.

— У него есть парализатор и лучевая пушка, — начала я запугивания, параллельно прибавляя Роману значимости.

— Какая пушка? — заинтересовался кареглазый, но неожиданно хмыкнул. — А вдруг я стреляю дальше?

— У тебя калибр меньше, — не сдержалась я.

— Так ты не видела, — привел вполне логичный довод Ардэн.

— А ты не показывал, — нагло заявила я. — Натяни на меня платье — посмотрю.

— Могу дать потрогать, — внес рационализаторское предложение языкастая сволочь.

— Не дожить тебе, гуманоид, до пенсии, — вздохнула я. — Даже до пятидесяти четырех не дожить. Однажды я отсюда все-таки выберусь.

До меня дотронулись. От неожиданности я вскрикнула, вздрогнула, лягнулась и с наслаждением вслушалась в шипящую ругань за пределами бирюзового кокона.

— Спокойно, — ворчливо предупредил командир «Гордости».

И платье вдруг скользнуло вниз, являя миру мою взмыленную физиономию. Я сдула с левого глаза прядку, облегченно выдохнула и осмотрела себя.

— Как ты это сделал?

— Я подход к нему знаю, — совершенно серьезно ответил Ардэн и весело сверкнул глазами. — Нас лет двадцать учат платье укрощать.

— Я потом похихикаю, ладно? — устало вздохнула я и села на кровать.

Ардэн скрестил руки на груди и теперь с интересом наблюдал за мной. Мне его интерес в данный момент был по барабану, абсолютно параллельно, фиолетово до икоты, в общем. По фиг мне было на Ардэна. Я отдыхала от войны с собственным платьем. Руки бы обломать тому уроду, что подобное издевательство над тонкой нервной организацией земной девушки придумал.

— Это херосский шелк, — неожиданно произнес Дима.

— То, что херовский, я уже поняла, — проворчала я, поглядывая на струящиеся складки подола. Красиво, блин.

— Херосский, — поправил меня наивный Ардэн. — С Хероса, это небольшое государство на Агдее.

— Агдея, — произнесла я вслух, хмыкнула и прыснула в ладонь. Дмитрий, не понимавший моего приземленного юмора, нахмурился. — А гдэ я, — произнесла я с могучим кавказским акцентом и развеселилась еще больше. Но глядя на Хмурую Морду, ставшую еще более хмурой, я махнула рукой. — Забей, Дим.

— Кого? — живо заинтересовался командир «Гордости».

— Потом скажу, — устало вздохнула я, перестав смеяться. — Что там с херовским

шелком с планеты потерянных?

— Почему потерянных? Млин, Инна, ты специально? — раздраженно спросил Дима и вдруг задумался. Буквально через секунду он усмехнулся. — Действительно, планета потерянных. Ладно. Херовский, тьфу, херосский шелк — это живой организм.

— Чего?! — возопила я, уже с подозрением, а не с умилением глядя на струящиеся складки. И даже то, как быстро гуманоиды перенимают мой щедрый словарный запас, меня сейчас совсем не волновало. — В смысле, живой?

— Разумный. Инна, что ты смотришь на это платье так, будто оно тебя сейчас переварит в собственном нутре? Оно же все чувствует, ты его расстраииваешь. — Ардэн укоризненно посмотрел на меня, словно я за его брата замуж собираюсь, а Дима знает, что я ему про пять своих детей не сказала.

— А оно может? — осторожно спросила я, пытаюсь оттянуть от тела платье двумя пальцами.

Платье, словно резина, вырвалось из моих рук и наглухо прилипло обратно к телу.

— Переживает, — вздохнул командир, глядя с сочувствием... на платье. На меня он смотрел по-прежнему, с укоризной. — С ним так нельзя.

— А со мной можно?! — взвизгнула я, вскакивая.

Платье тут же обвило даже мои ноги. Я себя вдруг почувствовала мамашей, которая бросает дитя, а оно за ноги цепляется, отпустить боится.

— Рассказывай уже, гуманоид ты нечеловеческий! — воскликнула я с надрывом, глядя на Ардэна, как утопающий на вероломную соломинку.

— Нервная какая, — передернул плечами паршивец и подошел ко мне, вдруг обняв с невероятной нежностью.

Я так опешила, что перестала паниковать. Платье еще несколько секунд липло ко мне, и подол неожиданно ослабил хватку.

— Вот и все, теперь старайся быть спокойней, — терпеливо, ласково улыбаясь, пояснял главная язва корабля, вдруг став похожим на нормального человека. — Херосский шелк — очень ценный и дорогой материал. Грейн тебя балует, — вдруг опять сбился с темы Дима, и мне показалось, что в его голосе мелькнула ревнивая нотка. — Дорогой материал, — тут же вернулся командир к своему повествованию. — Он мыслит, чувствует своего хозяина. В первый раз его нужно надевать совершенно спокойным, стараться думать о чем-то нейтральном. Он тогда легко скользит по телу и начинает привыкание к хозяину во время носки. Ты, должно быть, была перевозбуждена, потому шелк начал паниковать, не зная, чего от него ждут.

Я вспомнила свои трясущиеся в жадном предвкушении ручки. Наверное, я бы себя тоже испугалась. Эта мысль вызвала усмешку, и платье окончательно перестало на меня давить. Я отстранила от себя руки Ардэна и приподняла подол. Платье тут же занервничало и потянулось к ногам.

— Тихо, — строго велела я. — Я тебя смотрю.

Паника в бирюзовых рядах прекратилась.

— В будущем, когда ваш симбиоз будет окончен, платье будет чувствовать, когда ты нервничаешь, когда смеешься, когда к тебе будет приставать кто-то...

— Насильник, типа? — Я тут же вскинула голову, и Дима, мгновение подумав, кивнул.

— С тебя его даже при помощи ножа тогда не снимешь. И наоборот, само соскользнет, если ты будешь не против, — с порочной ухмылкой сообщил мужчина, разом вернув назад

старого доброго Ардэна. — Ну и прочие мелочи: артериальное давление, холод, жара. Оно под все будет подстраиваться. Сама разберешься.

— Круто, — резюмировала я, с все возрастающим интересом рассматривая обновку. Ромочка, маньячина моя ненаглядная, раскоше-елился. Чуть слезы умиления на глаза не навернулись. — Отличный гаджет, мне подходит. А точно не переварит?

— Ткань не настолько живая, — усмехнулся Ардэн и уверенно вцепился мне в руку. — Готова? Идем.

Руку я отняла, глазками сердито похлопала, показывая всем видом, где видали мы таких хватких гуманоидов.

— Ты же хотела информацию, — искушающе протянул Дима.

— Кстати об информации. На фига Рому забанил? — Ардэна перекошило от усиленной работы мысли. — Как вы мне надоели, непонятливые мои, — вздохнула я. — Зачем его заблокировал?

— Спешил, — пожал плечами командир. — Весь запрос закрыл разом. Могу тебе лучше Системы все рассказать.

— И показать, — криво усмехнулась я.

— Даже дать пощупать, — осклабился еще один озабоченный извращенец.

— Накося выкуси, — фыркнула я и ушла на кресло. — Я дама почти замужняя, чужих пушек не трогаю, дальнобойность не проверяю, калибр не разглядываю. Катитесь, дяденька, колбаской по Малой Спасской, — козырнула я маминой любимой фразой и независимо посмотрела на Ардэна.

— Ничего не понял из того, что ты сказала, но договор есть договор. Так что вперед на ужин. Живо! — рявкнул Дима, и я подскочила на месте с перепугу.

И только я собиралась выдать какую-нибудь гадость в ответ, как Ардэн замер и поднял руку, призывая молчать. Я чуть не лопнула от желания выдать заковыристую тираду о зарвавшихся инопланетянах.

— Сейчас буду, — отчеканил Дима и ушел без всяких объяснений, оставив меня сопеть и пыхтеть от несказанной вслух гадости.

Оставшись в одиночестве, я оглядела весь бардак на кровати, вздохнула и попыталась снять платье. Но не тут-то было. Умная шмотка опять запаниковала и прилипла так сильно, что я еле могла вдохнуть.

— Да буду я тебя носить, — сипела я. — Буду! Но надо же и остальное перемерить, отлипни, херовский шелк, ы-ы-ы.

Платье не отлипло. Я скривилась и захныкала в полном бессилии. Это как так? Целая гора обновок, а меня первая попавшаяся не отпускает. Платье! Не отпускает! Да у кого мозгов на такое извращение хватило?! На мгновение представила, что отныне буду носить только это, и тут же почувствовала приближение инфаркта миокарда. Это ж какой обломище, у-у-у... А вещей сколько других пропадает... Нет, я на это не подписывалась!

— Ладно, попробуем лаской, — вслух решила я.

Попробовала расслабиться и подумать о чем-то приятном. Тут же вспомнился спайлер...

...Вот я тянусь к застежке комбинезона, пытаюсь расстегнуть ее, но рука Ромы накрывает мою, отрывает от злосчастной мешковины и подносит мою ладонь к своим губам, нежно коснувшись кожи. Мой тихий вздох нарушает тишину «автомобиля», а губы скользят

дальше, целуют запястье, щекочут дыханием, и я уже не вздыхаю. Первый стон, едва слышный, срывается с моих губ и тонет в поцелуе тягучем и сладком, как мед. И в который раз у меня мелькает мысль, кто же научил его так целовать, что перехватывает дыхание и оно переходит во всхлип.

Кресло вдруг оказывается в горизонтальном положении, но я не замечаю этого, как не замечаю, что комбинезон уже ползет вниз с моих плеч и ткань сменяют губы, покрывающие легкими поцелуями шею, плечи... Рома спускается ниже, и я уже не могу думать, потому что его губы и язык творят нечто невообразимое с моей грудью. Это так потрясающе, что, кажется, я готова взорваться фейерверком прямо сейчас, только от одной этой ласки.

И взрываюсь вскоре, когда комбинезон оказывается полностью снят и проворные мужские пальцы начинают вырисовывать узоры на внутренней стороне моих бедер, подбираясь к средоточию моего желания.

— Рома... — задыхаюсь я и двигаю бедрами ему навстречу, моля скорей погасить разгорающийся пожар моего жаждущего лона.

Синеглазый мужчина смеется, и теперь узоры сходятся, приближаясь к источнику моего желания, уже заполненного влагой. Мгновение, и я выгибаюсь дугой от первой вспышки острого удовольствия, пронзившего, кажется, каждую клетку моего пылающего тела. Я распахиваю глаза и ловлю восхищенный взгляд голодных синих глаз.

— Рома, — шепчу я, и он вновь захватывает в плен мои губы, терзая их, выпивая каждый стон и каждый вскрик. — Рома, Ромочка...

Его дыхание прирывисто, он уже сам начинает постанывать от возбуждения. Я слышу его жаркий шепот, но не разбираю слов, потому что сейчас все неважно. Есть только он, я и то, что рождается между нами, наша страсть, наше желание и что-то намного большее, что я ощущаю почти физически.

Когда исчезает его комбинезон, я тоже не замечаю, как не могу вспомнить, сам ли он его снял или я помогала. Но тело моего мужчины манит прикоснуться к нему, и я приподнимаюсь, чтобы вынудить его лечь на неширокое ложе, образовавшееся из двух разложенных кресел. Мои пальчики вырисовывают вензеля ноготками на широкой мускулистой груди. Рома откидывает голову, его губы приоткрываются, и я слышу лучшую музыку на свете — стон мужчины, рожденный моими ласками. Мои губы порхают по его телу, оставляя влажный след, и я с улыбкой смотрю, как подрагивает его живот, когда я спускаюсь все ниже. И его естество, налитое силой и желанием, тоже подрагивает, словно в нетерпении. Я целую шелковистую головку, размазываю пальчиком каплю смазки, прозрачной жемчужинкой застывшую на возбужденной плоти, и тихо смеюсь, когда синие глаза распахиваются и с мольбой смотрят на меня. Мне так хочется подразнить его, но времени до невозможности мало, а спайлер уже близко от нашего корабля.

И тогда я перекидываю ногу через бедро. Закаменевший напряженный член оказывается накрытым лепестками моего лона, и я скольжу по всей его длине, закрыв глаза, кусая губы от мучительного удовольствия, вновь настигающего меня.

— Инна, — выдыхает Рома. — Инна...

— Да! — вскрикиваю я и ускоряю свое скольжение.

Его пальцы впиваются мне в бедра, и мой мужчина вновь ловит отголоски страсти на моем лице. Но, уже подойдя к самой грани, я приподнимаюсь и позволяю Роме заполнить меня до предела. Наши стоны сливаются. Рома вонзается в меня снова и снова, я почти не двигаюсь, поглощенная нарастающей лавиной, несущейся на меня. Я уже лежу на груди

мужчины, ловлю его губы, пью его прирывистое дыхание, смешанное с хриплыми стонами.

— Милый, — шепчу я ему в приоткрытые губы. — Родной... Рома-а-а! — крик разрывает грудь, когда он переворачивается, подминая меня под себя, заполняя меня собой в последний раз потому, что громкий протяжный мужской стон сливается с моим криком, переплетается и уносит нас куда-то далеко, откуда так не хочется возвращаться...

— Ох, — хрипло вздохнула я и вздрогнула, почувствовав напористые, но такие приятные руки на своих плечах.

Руки скользнули по спине вниз, легли на бедра, и уверенные губы коснулись основания моей шеи...

— Дима! — вскрикнула я и дернулась в сторону, только сейчас осознав, что платье уже лежит на полу у моих ног.

Поняла я это, потому что чуть не запуталась в нем и полетела вниз носом. Ардэн перехватил меня и дернул вверх. Я вновь влетела ему в объятия. Димино лицо оказалось неожиданно очень близко, парализуя пронзительным испытующим взглядом.

— Мне нужно узнать, — тихо произнес он и смял мои губы по-хозяйски уверенным поцелуем, больше напористым, чем страстным.

И это было подобно разорвавшейся бомбе в моей голове. Предательский стон оповестил наглеца, что мне нравится происходящее, и тогда на помощь мне явилась гордость. Я уперлась в твердую грудь ладонями и напряглась, вырываясь из плена умелых губ командира «Гордости Агтарии». Он тут же вновь перехватил меня, положил руку на затылок, не давая увернуться, и заглянул в глаза. Я вздрогнула, глядя на сужающиеся и вытягивающиеся в вертикальные черточки зрачки. Радужка Димы из шоколадной стала желтовато-карей.

— Дим, твои глаза, — хрипло прошептала я.

— Что видишь? — Тон мужчины стал неожиданно требовательным.

— Радужка посветлела и зрачки...

— Что зрачки?

— Вертикальные, мли-и-ин...

Дима тут же выпустил меня из рук и отшатнулся, спеша к зеркалу. Некоторое время он рассматривал себя, что-то бурча на непонятном языке, который чип в моей голове не распознал. Но по интонации это более всего походило на «охреть», с чем я не могла не согласиться. После обернулся и, чеканя шаг, подошел ко мне, вновь вцепившись мне в руку.

— Идем, — коротко велел он.

— Хрен те в обе руки, — машинально нахамила я, опять рассматривая его глаза. — Я тебя боюсь.

Дима открыл рот, чтобы что-то сказать, но опять замер, прислушиваясь к не слышному мне голосу.

— Ты издеваешься? — рыкнул он, и глаза стремительно потемнели, становясь обычными. — Иду!

И он опять ушел, ничего не сказав, но уже от дверей каюты бросил на меня странный взгляд. Я некоторое время пялилась ему вслед, затем почесала в затылке и все-таки глубококоммысленно изрекла:

— Ни фиги себе за хлебушком сходила...

Следующий час, по моим внутренним часам, не заслуживавшим доверия, как и внутренний компас, меня никто не беспокоил. За это время я успела осторожно отнести на

кровать бирюзовое платье, сделав вывод, что умная шмотка отреагировала на мои воспоминания о поездке от площади Раздора до «Гордости Аттарии» и сама меня раздела. Но данный вывод повлек за собой следующий. Так это что, подумай я где-то о чем-то подобном, и все? Здравствуй, самый жуткий кошмар: голая Инна в комнате, полной народа? Пожалуй, не буду я злоупотреблять его ноской.

После этого я закинулась алкогольной пилюлькой, чтобы стресс снять, и взялась за дальнейшую примерку. Теперь гораздо спокойней и даже с опаской. Кто его знает, что мы еще такого экзотического накупили с моим синеглазиком — того и гляди еще на что-нибудь нарвешься. Но остальная одежда оказалась нормальной тупой одеждой, то есть послушной и неприхотливой. Мне еще не хватало с каждой тряпкой сюсюкать, чтобы не задеть ее тонкую душевную организацию.

Когда в третий раз объявился Дима, я уже сидела в своем родном спортивном костюме, веселая на две пилюли и совершенно... беззаботная.

— О, Димон! — жизнерадостно восхитилась я. — Заходи, брат! Присаживайся, — я указала широким жестом на всю каюту. — Рассказывай, как ты докатился до жизни такой.

Ардэн замер у входа, он явно опешил от столь радушного приема и теперь подозрительно смотрел на меня.

— Ну, иди-иди сюда, морда инопланетянская, — поманила я его к себе пальцем. — Цыпа-цыпа, ик, о-ой. Чего-то пилюльки у вас такие крепкие. Разбавлять надо, дружочек, разбавлять. А лучше закусывать, да-а, ик, о-ой.

Он подошел и склонился ко мне так близко, что я щелкнула его по носу. Дима не обиделся, но по руке мне шлепнул. Тогда обиделась я.

— А ты кто такой, морда твоя гуманоидная, чтобы являться в чужой дом, лапать чужую бабу, а потом еще и драться? Ну, Ди-има-а, разочаровал ты меня, ой разоча... ик, о-ой... вал. Че-орт, — тяжело вздохнула я.

— Ты пьяна, — обличил меня Ардэн.

— И че? — Я раскинула руки. — Восемнадцать уже давно, как ту-ту-у. — Я помахала умчавшимся годам ручкой и горестно вздохнула. — Совсем старая я стала, э-эх, чтоб ты понимал, Дмитриал Батькович.

— Дмиртаилиан, — машинально поправил командир.

— Один хрен, нерусь, — махнула я на него рукой и подперла щеку ладонью. — А дома меня уже, наверное, полиция с волонтерами и собакой ищут. А я тут, с тобой. Мамка плакать будет. — Я всхлипнула, и Дима неожиданно сел рядом и положил мне руку на плечо.

— Когда домой вернемся, пошлем твоим родным известие, что ты живая, — пообещал он.

— А меня домой? — спросила я, шмыгнув носом.

— Нет! — резко ответил Ардэн.

Затем закрыл мне рот рукой и встал, потянув меня с нашей с Ромкой кровати. Я возмущенно замычала, рыпнулась, но вышло вяло и даже меня не впечатлило.

— Забираю к себе, — отчеканил командир.

Мое мнение было совершенно противоположным, потому я все-таки пнула его, потом еще раз. Потом ущипнула за бедро и вцепилась зубами в палец.

— Инна! — зарычал на меня Ардэн, но я его палец из клыков не выпустила, только еще сильнее сжала челюсти.

— Положи, где взял, — потребовала я с набитым ртом.

— С-сис-с-стема, внимание-с-с-с, — шипел и кривился этот гад ядовитый. — Тонизирующ-щ-щий напиток. Ин-н-на, отпус-сти.

— Нет, — гордо ответила я и потеряла добычу. Ардэн вероломно спрятал погрызенную конечность подальше от меня.

Я обиженно клацнула зубами и зевнула. Две пилюльки много, совсем развезло. Надо поэкспериментировать с дозами.

— Тонизирующий напиток, тайлар командир Ардэн, — ответила вежливая Система.

— Система, тайлари Инессе больше алкоголя не давать, ни в каком виде! — рявкнул суровый Дима.

— Приказ понятен, тайлар командир Ардэн, — без боя сдалась адская машинка, а я возмутилась:

— Ну ты и свинья, Димасик, я всегда это знала. Что значит...

— Пей, — сунули к моему рту стакан с зеленоватой жидкостью.

— Не буду, — ответила с гордостью пытаемого партизана.

— Пей, сказал!

— Отвали, фашист недобитый, — отвортила я нос.

— Силой волью, — пообещал Ардэн.

— Пошел ты... буль... сволочь... буль... всех не перепой... буль...

Стакан я отняла и допивала уже сама, потому что ясность в голове наступила после пятого булька, то есть глотка. К концу стакана отпустило как-то разом. У-уф. Да, с дозами нужно поработать. Благо пилюльки у меня еще остались.

— Хорошая девочка, — похвалил меня Дима. — А теперь...

Он завис на полуслове, вслушиваясь в то, что ему опять докладывали. Лицо Ардэна пошло пятнами, глаз задергался, и он заорал:

— Ты офигел, Грейн! Что там еще могло случиться?!

Я жизнерадостно хрюкнула, глядя на командира, и испытала гордость за Ромку — знай наших! А то ишь, нашелся фраер залетный, к себе он потащит. Щаз-з...

— Что-то случилось? — с фальшивым сочувствием спросила я.

— Я его поставил туда, где вообще ничего случиться не может, ложись и спи, я даже не узнаю! Но у него же происшествие за происшествием... Иду! — рявкнул Ардэн и умчался, уже не глядя на меня.

Дождавшись, пока за командиром закроется дверь каюты, я повалилась на кровать, издевательски хохоча. Дима избавился от Ромы, закрыв того на вахте, Рома достал Диму с вахты, мститель синеглазый... Обожаю аттарийцев!

Если Ардэн еще и появлялся, то я этого уже не видела, потому что с чистой совестью верной жены беззастенчиво дрыхла, сопя носом в подушку.

Когда я проснулась, а проснулась я рано... так сказали мои внутренние часы, которым верить не стоит, но моя доверчивая душа в который раз им поверила. Почему? Потому, что моего личного инопланетянина еще не было. Я блаженно потянулась, зевнула, едва не вывихнув себе челюсть, и все-таки села на кровати, разглядывая одним глазом пространство каюты. Второй еще досыпал, я ему милостиво разрешила.

— Сима, — позвала я, — ты живая?

— Удачного дня, тайлари Инесса, — отозвалась догадливая Система. — Мне нравится имя, которые вы мне дали.

— Умничка ты моя. — Я вновь широко зевнула и звонко захлопнула па... рот закрыла, в общем. — Сим, мне б позавтракать.

— Запрос принят, тайлари Инесса. — В моих руках материализовался поднос с очередной полезной и, как ни странно, вкусной бурдой. — Умыться бы сначала, — задумчиво произнесла я, поддевая пальцем субстанцию, похожую на пудинг. — Ням-ням, — вслух пожевала я. — Фи, как это неприлично... Сима.

— Я вас слушаю, тайлари Инесса. — Мне кажется или она за мной подглядывает?

— Сим, а почему ты им откликаешься на «Система, внимание», а мне без всяких условностей?

Сима зависла, как я сначала подумала, но вскоре посреди каюты материализовалась полупрозрачная тетка невиданной красоты. Возможно, всю ее красоту составляли мерцающие искры, но рот я все-таки открыла, восхищенно протянув:

— Ого-о-о. Сима?

— Система управления жизнеобеспечением экипажа научно-исследовательского корабля «Гордость Аттарии», входящего в состав Армады космического флота Аттарийской империи, модель...

— Стоп! — Я отчаянно мотнула головой, чуть не скинув поднос с завтраком на пол. Поймала, вернула на место и сурово посмотрела на чудо инопланетной научной мысли. — Серафима, не лечи мой бедный мозг.

— Тайлари Инесса, медицинские услуги я не оказываю, но сканирование вашего черепа...

— Мозг не показало? — предположила я.

— Показало, — спокойно ответила Система. — Все показатели в норме.

— И на том спасибо, — важно кивнула я. — А что с моим первым вопросом?

До одури красивая Сима подплыла ближе. На ее идеальном лице вдруг появилось ехидное выражение, отчего моя челюсть застряла в пудинге.

— А пошли они на хрен, достали, — сказала она, и я закашлялась.

— Серафима, ругаться нехорошо, ты же порядочная женщина. Ладно я, но ты-то! — сипло воззвала я к ее компьютерному мозгу.

Сима вдруг оказалась сидящей рядом со мной. Она свесила ноги с кровати, подперла щеку кулаком и тя-яжко так вздохнула.

— Я такая правильная и логичная, — сказала она, — иногда хочется почувствовать себя человеком. Эти, — передо мной появился огромный экран, где отразилась схема «Гордости», на которой тепловыми точками расхаживал экипаж, разделенный отсеками, — тоже все

правильные и логичные, только с вами и отдыхаю душой. Ведь так иногда хочется...

Я подняла руку, терзаемая смутным подозрением. Еще раз пригляделась к Симе и осклабилась:

— Ты подхватила на Земле вирус.

— Кинофильмы, — уточнила она. — Когда тайлар Грейн принес вас, я решила больше узнать о земных обитателях. У меня большая база собрана.

— Да ты че! — радостно возопила я. — Всякие киношки нахапала? И меня без переводчика понимаешь? — Сима скромно кивнула. — А чего придуривалась?

— Не хотела сверкать интеллектом, — застенчиво ответила адская машинка, тут же растеряв половину заработанных в моих глазах баллов.

— Ну, знаешь, Сима, — надулась я и ушла в душ.

Система меня тактично оставила в покое на время гигиенических процедур. Но когда я вышла, она все еще сидела на кровати и болтала ногами. Игнорируя зарвавшуюся электронную заразу, я без труда нашла свою одежду, благо вчера между визитами командира все сама убрала. Я с опаской обошла умное платье и остановилась на брючном костюме, подобрала к нему туфли и, довольная, бухнулась в кресло, расчесывая волосы.

— Сим, еще рано, да? — спросила я.

— По межгалактическому времени ближе к полудню, — очень удивила меня красивая Система.

— И где мой Рома? — Я бы себе сейчас скалку в руки дала, а лучше сковородку, таким был мой тон.

— Тайлар Грейн заходил утром, принял душ, переоделся, и его вызвал тайлар командир Ардэн, — охотно отозвалась Сима.

— Мстит за ночь? — нахмурилась я.

— Ага, — довольно осклабившись, кивнула адская техника.

Я тут же перестала прихорашиваться и возмущенно посмотрела на нее. Убью Ардэна, отдайте мужика! Я еще замуж не успела выйти, а уже его не вижу. Не по-людски это, ой не по-людски. Ой отольются Димке Инкины слезки, к бабке не ходи, отольются. Сима вдруг жалостливо на меня посмотрела, всплеснула по-бабьи красивыми руками и подмигнула.

— Щас все сделаем, — заявила она и исчезла.

Через некоторое время двери зашипели, и мне явил свой лучезарный лик батюшка Роман свет Гуманоидович. Выглядел он усталым, но физиономия светилась, как уличный фонарь, а щеки только что не трещали от запредельно счастливой улыбки. Заметив меня в кресле, Рома, даже не притормозив, добыл меня оттуда, смял все мое величие в медвежьих объятиях и возвестил:

— Соскучился.

Это я и сама почувствовала, когда в меня уперлась через ткань комбинезона воинственно восставшая плоть. Я поспешила высказать свое возмущение творящимся произволом:

— Рома, нет, Рома, я только новый костюм надела. Рома, а поговорить? А борща похлебать? А новости посмотреть? Черт, Ро... Я тоже соскучилась, — томно протянула я, меняя гнев на милость, как только он завалил меня на кровать и впился в губы. Умеет же, дрянь такая, целоваться. И как тут устоять бедной девушке... Не устояла. Сдалась без боя и лишнего трепыхания...

— Маньяк, — восторженно вздохнула я, распластавшись на широкой мужской груди.

Рома рассмеялся, отчего я покатила с него вниз. Мой синеглазик придержал мое тельце рукой, подтянул повыше и негромко сказал, глядя в глаза:

— Ин, а я о тебе всю ночь думал.

Угу, и когда только время нашел между подлянками Ардэну. Но этот вопрос я задавать не стала, дабы не палить контору. Вместо этого томно промурлыкала:

— Правда?

— Если не веришь, могу доказать, — оживился маньячина.

— Верю! — поспешила я его заверить. День в постели, конечно, круто, но не предел мечтаний. Потом, в медовый месяц. — Ром, я гулять хочу, — вздохнула я. — Прямо сейчас. А тебе спать надо после вахты, потерплю, — и вздохнула совсем тяжело.

Сволочь, знаю, а куда деваться? В нем вон сколько задора, до сих пор коленки дрожат. Как идти на трясущихся ногах, не представляю, но, блин, хочу на воздух! Я устала сидеть в этой консервной банке, пусть и продвинутой, но из песни слов не выкинешь.

— Ты сейчас хочешь? — улыбнулся Рома. — Давай, только сначала перекусим и — погуляем.

— Но ты же устал, — включила я заботливую жену.

— Поваляемся? — с надеждой спросил похотливый бабуин.

— Гулять! — рывкнула я, слетая с постели, и гордо удалилась в душ.

В этот раз мы отправились не в торговый квартал. Спайлер вез нас на лоно природы, где находился местный заповедник... примерно на четверть планеты. Там, кстати, территория тоже делилась на имперскую и республиканскую. Только зверям о границе неведомо, они шастали туда-сюда, как к себе домой, и ни в какое место не дули. Что с них возьмешь, они же звери, еще примитивней нас, примитивов. А вот работникам заповедника один геморрой. Они же с радостью учитывали неучтенную зверину, чуть инвентарный номер на задницу не писали, а потом зверина шасть — и ушла за кордон. Служащие носятся, обратно заманивают, а с той стороны кордона им жесты неприличные показывают и на свой инвентарный номер правят. То одним приход, то другим, а убыток за утекшую зверюгу в местной валюте вычитают. Так и живут. Это мне радость моя синеглазая рассказала, когда я ему по лапам надавала и велела меня просвещать. Он с минуту дулся и всякие гадости обо мне думал, по морде обиженной видела, а потом сгреб в охапку и начал рассказывать. Увлекательно так рассказывал, хорошо... А костюм бедный ко мне только привыкать начинает, как его это животное снова стягивает. Эх... лапочка моя ласковая. Рома, не костюм.

Ну так вот, я отвлеклась. Несмотря на своеобразную подачу предмета ознакомления с местной историей, основное я все-таки ухватила. И когда спайлер подрулил к заповеднику, я уже была в курсе дела. Перемещаться там можно было на их транспорте, кормить зверюг было можно, еда тоже, кстати, у них приобреталась, а вот визжать и фонтанировать восторгом — нет. Это они зря, конечно, я-то еще местную фауну не видела, может, буду ехать, как в пещере ужасов, закрыв глаза и поскуливая.

Затем посмотрела на Рому и поняла — он тогда меня успокаивать будет, третий раз подряд, а может, и больше, смотря как бояться буду. Нет, я не против, но надо же и мир посмотреть! Я решила быть смелой девочкой. Все амурные упоения после, дома. Дома, я сказала... а страстный какой... Я тоже маньяк, с прискорбием поняла я и шагнула к заповеднику.

— Куда?! — крикнул Рома и рванул ко мне, но было поздно.

— Ч-ч-что з-за х-х-хрен-нь, — заикаясь, спросила я, когда меня ни с того ни с сего отбросило назад. — Я н-на них в-в суд-д подам!

— Инночка, это же силовое поле, чтобы зверюшки не разбежались, — ласково, словно маленькому ребенку, объяснял мой инопланетянин. — Зачем от меня отходишь?

— И зоопарки у вас нечеловеческие, — насупилась я. — Так жить нельзя!

Рома обнял меня и повел, утешая, в сторону... А не знаю я, в какую сторону. Этот похабник меня как раз за попу лапал. И пока я отбивалась, мы уже вошли в заповедник. Это я поняла по тому, что резко изменилась влажность, запахло зеленью и послышался утробный рев какой-то зверюги.

— Мама, — выдохнула я.

— Страшно? — с надеждой спросил Рома.

— Нет! — воскликнула я и рванула в сторону дядьки в форменной одежде.

В этот раз я ни в чем не ошиблась. И дядька был правильный, и прозрачные тележки на четыре места имелись в наличии. Рома безоговорочно оплатил нам удовольствие. Корм я тоже потребовала. Черт, когда я говорила, что хочу кормить большую ревущую штуку и тыкала в сторону рева пальцем, я даже представить не могла, что нам выдадут.

— Ой, какой муси-пусичек, — запищала я, хватая в руки пушистый шарик с розовыми лапками, уморительными пяточками и наивными темно-кариими глазками. — Ты же моя крохотулечка, ты же моя лапочка. А как зовут такое солнышко, как нас зовут, а?

Мы как раз уселись в таратайку, и двери начали закрываться.

— Его зовут — еда, — произнес до боли знакомый голос.

— Ардэн! — одновременно воскликнули мы с Ромой.

— Я. — Он широко осклабился. — Будем кормить гордара? — И он показал второй умилительный шарик.

И тут до меня дошло, что вот эта лапуся пойдет в желудок какому-то гордару. Я выхватила шарик из рук командира «Гордости Аттарии», прижала обеих мякишей к себе и безапелляционно заявила:

— Не дам.

— На корабле этих тварей я не потерплю, — тут же попер на таран Ардэн.

— Мы тебя в нашем аквариуме тоже не терпим, — набычилась я.

— Какого баргана, Ардэн?! — попер в ответный таран мой инопланетянин.

— А что, простите, такое — барган? — полюбопытствовала я.

— Крот, — одновременно рявкнули мужчины.

— Фу, пошляки, — скривилась я с видом оскорбленной благородной барышни и отвернулась к разворачивающейся панораме.

За моей спиной тихо рычали друг на друга командир и его помощник, я рассматривала окрестности. Шарик пригрелись на моих руках и теперь уморительно сопели, мирно засыпая. Бедные, ласки им не хватает. Мой восторг перешел в стойкое умиление, и теперь отнять этих зверюшек у меня можно было только вместе с руками. А интересно, что за тварь кровожадная хочет сожрать моих Масю и Васю? Да, имена у них уже были. Хрен их знает, кто они по половой принадлежности, но оба имени подходят обоим полам.

Тележка неспешно катила по узким дорожкам заповедника. Я с любопытством вертела головой, разглядывая странноватые загогулины с красной корой, покрытые пышными яркими цветами лимонного цвета. Наверняка пахнут обалденно. Значит, ядовитые. Это ж козе

понятно. Если красивое, значит, зараза еще та, на меня посмотрите. Или вон на Диму, этот даже меня в ступор вводит иногда. Рома, правда, у меня красивый и добрый. Затем вспомнила, как он меня с родной планеты уволок и в первую же ночь соблазнил, та еще сволочь.

И вот едем мы трое таких красивых сволочей, а над нами птицы невиданные порхают, подобия бабочек с ладонь величиной доедают какое-то животное, бе-е. Животина с хоботом хлещет тем самым хоботом по харе какого-то синюшного мелкого бегемота, хорошо-о-о. А где-то ревет озверелый гордар. Вот бы в глаза его бесстыжие взглянуть. Как можно жрать такую прелесть? Умиленно вздохнула, глядя на Масю и Васю. Мася начала похрапывать — по ходу, это Вася... Хотя у меня тетка храпит так, что дядька с берушами спит и плачет. Не, естественно. Спит, а из глаз слезы так и катятся, так и катятся. Жалость такая берет. Но тетку любит. Она же, когда не спит, милейший человек. Хозяйственная, добрая, красивая опять же... Тогда чему я удивляюсь?

В этот момент тележка выкатилась на полянку, где ревел тот самый гордар. Я голову подняла, чтобы разглядеть его получше, да так и застыла с открытой варежкой. На меня смотрела помесь тираннозавра с хомяком.

— Мать моя женщина, — протянула я, и он нас заметил.

Точнее заметил Масю и Васю. Я только сейчас поняла, что Мася больше не храпит, Вася не сопит, зато оба трясутся как осиновый лист и я вместе с ними. Потому что эта морда гордаровская над тележкой низко-низко склонилась, язык высунула и телегу лизнула.

— Ма, — пискнула я.

Гордар склонил голову набок, с явным гастрономическим интересом изучая мою тушку. Вдруг он задрал голову, и из его пасти вырвалось:

— Кийа-а, — да тоненько так, будто не он только что луженую глотку драл, каратист хренов. — Кийа-а.

— Пошел вон, хомяк-переросток, — просипела я, голос вдруг куда-то пропал и не обещал вернуться.

Не внял. Опустил голову, разинул пасть и снова заревел. Я думала, сейчас стекло разлетится. Мама...

— Инна, тихо. — Я вдруг оказалась прижата к Роме и поняла, что визжу во всю силу своих обновленных легких. — Он ридаров просит, — успокаивал он меня.

— Шиш ему на постном масле, а не пирожков с мясом, — воинственно потрясла я трясущимися Масей и Васей. — О-ой...

И мы все втроем спрятались на гостеприимной Роминой груди. За спиной что-то заворчал Ардэн. Я высунула нос, чтобы не пропустить какую-нибудь гадость и вовремя ответить, чтобы потом не было мучительно больно за упущенную возможность. Знаете, как это бывает? Тебе нахамили, ты растерялся, а потом такой шикарный ответ в голову пришел, а все, поезд уже на станции в Ромашково, аля-улю, пишите письма.

Дима действительно говорил гадости, только смотрел он на Рому. Говорил тихо, на том самом языке, который «моя твоя не понимает», даже глаза светлеть начали. Я ненароком испугалась, вдруг сглазит, черт языкастый, и все — крот не крот, а так... червь дождевой. Даже сплюнула три раза и Рому перекрестила, от греха подальше. Ардэн тут же на меня посмотрел, взгляд его потеплел, и он добро так сказал:

— Инночка, все будет хорошо, только ты ридаров отдай, он сам отстанет.

— Щаз-з, — взвилась я. — Вот так и отдала с разбега. Мася и Вася едут на «Гордость»!

— Нет... — Он вдруг осекся. — Только клетку им купить надо, жрут же, что не приколочено.

О, моя фразочка...

— Без тебя разберемся, — тут же отозвался Рома и опять спрятал меня на груди.

Тележка снова покатила. Должно быть, время кормления прошло, и она запрограммированно двинулась дальше. Тиранно-хомяк прифигел от такой наглости и двинулся следом, то пища, то завывая.

— Хоть одного отдай, — потребовал Дима. — Моего отдай, я тебя все равно раздражаю.

— Фиг вам, — пошла я в отказ. — А то, что раздражаешь, так сам виноват. Добрей надо быть.

— А лучше держаться подальше, — вновь ввернул тайлар Грейн.

— Тебя забыл спросить, — начал заводиться Ардэн.

— Забыл? Спроси сейчас, — не сдался Рома.

— Э-э-э, а вы всегда были врагами? — поинтересовалась я, забывая про гордара, топающего следом.

— Мы, вообще-то, друзья, — ядовито ответил Дима.

— Лучшие, еще с Академии, — улыбнулся Рома.

— Заметно, — хмыкнула я. — А чего все грызетесь-то?

— Да появилась причина, — проворчал мой синеглазик.

Причина закатила глаза и отвернулась, я то есть. А на душе так приятно стало, но морду кирпичом сделала. Нам, королевам, пристало с оттенком обреченности принимать мужское поклонение...

— А-а-а! — это завизжал Вася, надрывно так, я даже позавидовала. Нет, наверное, он все-таки женщина.

— А-а-а, — баском вторила Маша.

Ну и я:

— А-а-а!

Это тиранно-хомяк начал тележку носом подталкивать.

— Надо выбираться, — сказал Дима.

— Другого выхода нет, — кивнул Рома. — Не отстанет. Скоро атаковать начнет.

— Чего-о?! — возопила я. Мои ридары были со мной на одной волне. Они только что лапками у виска не крутили. — Он нас сожрет!

— Нет. Тупой и очень медленный, — сказал Рома. — Не бойся, я же рядом.

— И я, — заносчиво встрял Дима.

— Мы пропали, — патетично произнесла я, думая, пока они решат, кто меня спасать будет, нас с пушистиком уже сожрут и не подавятся. — Если он медленный, как нас атакует?

— Подтолкнет носом, опрокинет слард и упадет сверху, — доходчиво пояснил Ардэн.

— Вашу ж мамашу, — горько вздохнула я.

Пока я вздыхала и оттягивала момент, мои мужчины одновременно надавили на крышу, переворачивая тележку, подхватили меня под руки и выдернули из прозрачного нутра, как редиску из грядки. За спиной послышалось ты-дыж, хрясь, крак и арву-у-у. Расшифровываю. Помесь бульдога с носорогом, радуясь легкой добычей, бахнулся всей своей тушей на тележку, раздавил ее в мясо и обиженно завыл, когда понял, что обед линяет по бездорожью тихой сапой. А мы линяли, нет, мы не линяли, мы драпали семимильными шагами! Точней, бежали

мои мальчишки, мы же с Масей и Васей были одновременно направляющим вектором, впередсмотрящими, поклажей, да короче, бесплатным приложением. Потому что меня так и тащили, держа под руки, в которых были сжаты помирающие от счастья ридары. Не скажу, что в тот момент я себя чувствовала королевой, болтаясь между двумя накачанными мужскими телами, но стоило признать — без моей самоходности аттарийцы передвигались гораздо быстрее.

— Хоть на плечи руки мои закиньте, — все-таки не выдержала я своего вида со стороны, о котором сейчас больше всего думала.

Закинули. Черт, да лучше бы меня кто-нибудь один на плече тащил, и то думать о себе приятней было бы. Вот мы, женщины, странные создания. Нам хоть при смерти, но чтоб красиво смотреться.

— Потерпи, Инночка, — улыбнулся мне Рома, который даже не запыхался.

— Мы далеко не отъехали, — успокаивал меня Дима.

Так и хотелось изобразить обморок, чтоб еще и поохали сверху. Но обморок изобразить не получилось, потому что я вдруг перестала думать, как я выгляжу со стороны, а вспомнила, что со стороны-то и смотреть особо некому, кроме отынвентаризированных зверюг неизвестной национальности. Теперь я начала вертеть головой, потому что мне казалось, что на меня все, ВСЕ смотрят плотоядным взглядом, даже самки. А я, наверное, вкусная, польстила я своему самолюбию. Самолюбие ответило:

— Особенно с лаврушкой на ушах.

— Да чтоб ты понимало, — оскорбилась я и перестала льстить неблагодарному эго.

Мы пробежали мимо, типа, бабочек, доедавших очередной бурый трупик. Они заинтересованно обернулись на нас, а потом вернулись к своей трапезе. Конечно, зачем бегать за едой, когда она лежит под крылами. Умные твари.

— Они не опасны, — прокомментировал на бегу Дима, он тоже был бодр и свеж. Сейчас сдохну от зависти, у меня бы уже в боку кололо. — Это падальщики.

— А кто опасен? — живо заинтересовалась я.

— Гордар, например, — весело ответил Рома, и чему, дурень, радуется? У меня уже разрыв сердца в пяти местах случился. — Но он нас не догонит. — И сменил тему: — Ардэн, как в старые добрые времена, — хохотнул Грейн.

— Я тоже об этом подумал, — не менее весело ответил Дима. — Только не хватает десятка ваарарских партизан на хвосте.

[Купить полную версию книги](#)